

Проснись в Никогда

Автор:

[Мариша Пессл](#)

Проснись в Никогда

Мариша Пессл

Беатрис Хартли, недавняя выпускница престижной частной школы, тяжело переживает гибель возлюбленного, с которым они вместе учились. Несмотря на то что прошел уже год, причина его смерти так и осталась нераскрытой. По официальной версии, Джим, талантливый поэт, музыкант, гордость школы и душа компании, покончил с собой буквально накануне выпускных экзаменов. Беатрис не может поверить в это. Желание добраться до истины приводит ее на день рождения некогда лучшей подруги, отношения с которой – впрочем, как и с остальными школьными друзьями – сошли на нет. Воссоединение бывших друзей и так проходит не слишком гладко, а тут еще масла в огонь подливает появившийся ниоткуда странный старик. Ни с того ни с сего он заявляет, что все присутствующие мертвы, вернее, застряли в изломе времени за мгновение до собственной гибели. И остаться в живых суждено лишь одному из них, а вот кому именно – предстоит решать им самим...

Новый роман от автора «Ночного кино», пожалуй, одного из самых удивительных бестселлеров последних лет. Впрочем, прогремела на весь мир Мариша Пессл еще с первым своим романом («Некоторые вопросы теории катастроф»), отправив несколько глав литературному агенту своего кумира Джонатана Франзена, после чего последовал договор с издательством, предложившим беспрецедентно высокий для начинающего автора аванс, первые строчки в списках бестселлеров и перевод на множество языков мира.

Впервые на русском!

Мариша Пессл

Проснись в Никогда

Marisha Pessl

NEVERWORLD WAKE

© И. А. Тетерина, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

* * *

Порой у тебя нет ответов,

Порой ты находишь любовь,

Порой тьма скрывает голубок,

Порою – оскал зубов.

Ты молча идешь по жизни,

По извилистому пути.

Что делать? Спросить того,

Кто знает, куда идти.

Дж. Ч. Госсамер Мэдвик. Темный дом у поворота

Часть 1

Глава 1

Я не общалась с Уитли Лэнсинг – и вообще ни с кем из них – больше года.

Когда в день моего последнего переводного экзамена от нее пришло сообщение, меня накрыло чувство обреченности, словно в ночное небо ворвалась комета, предвещающая бедствия и напасти.

Куда ты запропала? Чо за нафиг? #некруто. Прости.

Это все мой Туретт[1 - Синдром Туретта – генетическое заболевание нервной системы, одним из симптомов которого является неудержимая склонность к употреблению нецензурных слов и социально неприемлемых высказываний.]. Как впечатления от первого курса? Класс? Отстой?

Серьезно. Мы по тебе скучаем.

Решила написать, поскольку все наши собираются в Уинкрофте на мой ДР. Линда будет на Майорке, а БВО Берт в третий раз женится. Это будет на Сен-Барте. Она веган и йог. Так что на выходные дом в полном нашем распоряжении. Как в том году.

Сможешь приехать? А, Бамблби?

Carpe noctem.

«Живи сегодняшней ночью».

Она была единственной из всех известных мне девушек, кто взирал на окружающих с видом затянутой в кожу супермодели на показе «Диора» и шпарил на латыни с такой легкостью, как будто это был ее родной язык.

– Ну как экзамен? – спросила приехавшая за мной мама, когда я плюхнулась к ней в машину.

– Перепутала Сократа с Платоном и не успела дописать эссе, – ответила я, пристегиваясь.

– Уверена, ты со всем отлично справилась. – Мама озабоченно улыбнулась. – Есть еще дела?

Я покачала головой.

Мою комнату в общежитии мы с папой уже привели в порядок. Учебники я сдала в студенческий профсоюз – за это давали тридцатипроцентную скидку на следующий год. Моей соседкой по комнате была девочка из Нью-Хейвена по имени Кейси, которая на каждые выходные моталась домой, чтобы повидаться с бойфрендом. С момента заселения я ее почти не видела.

Мой первый учебный год в колледже Эмерсона закончился тихо и незаметно, как распродажа по случаю закрытия магазинчика в заштатном торговом центре.

«Ох, не к добру это», – сказал бы Джим.

* * *

На лето у меня не было никаких планов, кроме помощи родителям в «Капитанской рубке».

«Капитанская рубка», или просто «Рубка», как называют ее местные, – это пляжное кафе-мороженое, которым владеет моя семья в Уотч-Хилле, штат Род-Айленд, – крошечном прибрежном городке, где я выросла.

Уотч-Хилл, Род-Айленд. Население: знаешь всех в лицо.

Мой прадед Берн Хартли открыл это кафе в 1885 году, когда Уотч-Хилл был всего лишь крохотной деревушкой; капитаны китобойных судов заходили туда, чтобы размять привычные к морской качке ноги и впервые взять на руки своих детей, прежде чем вновь отправиться в неизведанные просторы Атлантики. Над притолокой висит карандашный портрет Берна в рамке – он смотрит одухотворенно, будто почивший в бозе гениальный писатель или полярный исследователь, не вернувшийся из арктического похода. Правда же заключается в том, что он едва умел читать, предпочитал знакомых чужакам, а сушу – морю. И его единственное достижение состоит в том, что он всю свою жизнь держал наш маленький ресторанчик на берегу и оставил нам в наследство рецепт самого вкусного в мире клэм-чаудера[2 - Клэм-чаудер – густой суп-пюре из моллюсков.].

Все лето я отвешивала мороженое загорелым тинейджерам в пляжных шлепанцах и пастельного цвета свитерах. Они заваливались к нам шумными ватагами, похожие на стайки мальков. Я сооружала чизбургеры и горячие бутерброды с тунцом и сыром, шинковала капусту для салата, взбивала молочные коктейли. Выметала за порог вездесущий песок, усеивавший кафельный пол в черно-белую клетку. Выбрасывала в мусорный бак салфетки, пакетики из-под кетчупа и соли, бумажные стаканчики из-под лимонада, рекламные проспекты, предлагавшие отправиться в море на рыбалку. Приносила забытые сотовые телефоны на кассу, чтобы их легко можно было найти, когда растяпа-владелец в панике врывался в зал с криком: «Я потерял мой... ой... Спасибо, вы меня просто спасли!» Подбирала рваные голубые билетки на стоявшую неподалеку морскую карусель 1893 года, с выцветшими безликими русалками вместо лошадок. Звездный час нашего городка настал, когда на этой карусели засняли Элеонору Рузвельт: она села боком на рыжеволосую русалку с бирюзовым хвостом. (Придавленная тектоническими плитами пышных юбок, она явно чувствовала себя не в своей тарелке и выглядела такой недовольной, что это на долгие годы стало любимым предметом шуток горожан.)

Я отмывала мусорные бачки от соуса барбекю, а столы – от потеков растаявшего «шурум-бурума» («шурум-бурум» был любимым мороженым всех ребятишек: мешанина из печенья, орехов, смеси кусочков темного шоколада). Я драила хлоркой, «Кометом» и «Мистером Мускулом» витрины, прилавки и дверные ручки. Я стирала разводы морской соли с раковин мидий и моллюсков, отполировывая каждую из них до блеска с одержимостью торговца драгоценными камнями, сдувающего пылинки со своих изумрудов. Почти каждый день я поднималась в пять утра и вместе с отцом отправлялась выбирать морепродукты к рыбацким лодкам, вернувшимся с лова. Я придирчиво

осматривала крабов и камбалу, устриц и окуней, ощупывала лапы и клешни, жабры и переливчатые брюшки. Я сочинила текст песни к саундтреку из несуществующего фильма «Ограбление Лолы Андерсон на большой дороге», набрасывая слова, рифмы, лица и руки на салфетках и листовках с нашим меню и отправляя их в мусорку, до того как кто-нибудь успевал увидеть это. Я исправно посещала группу психологической помощи для подростков, переживших утрату, в общественном центре в Норт-Стонингтоне. Кроме меня, в ней состоял только неразговорчивый парнишка по имени Теркс, чей отец умер от бокового амиотрофического склероза. Он ходил туда два раза и больше не появлялся. Я осталась один на один с консультантом, дерганой женщиной по имени Деб, которая щеголяла в брючных костюмах и таскала с собой здоровенный талмуд под названием «Как справиться с потерей близкого человека в подростковом возрасте».

– «Целью данного упражнения является формирование системы позитивных ассоциаций вокруг фигуры ушедшего близкого, – принялась она зачитывать седьмую главу, одновременно протягивая мне бланк с заголовком „Прощальное письмо“. – Напишите на этом листке письмо близкому человеку, которого вы потеряли, подробно остановившись на дорогих вам воспоминаниях, надеждах и незадаанных вопросах».

Выдав мне обгрызенную ручку с надписью «Курорты острова Табеэго», она оставила меня в одиночестве. Потом из-за двери донесся ее голос: она на повышенных тонах выясняла по телефону у некоего Барри, почему тот вчера не ночевал дома.

Я нарисовала на листке ястреба, разинувшего в крике клюв, и написала слова песни к вымышленному японскому аниме о забытой мысли – «Затерянные в памяти». Затем я выскользнула из комнаты через пожарный выход и никогда больше туда не возвращалась.

Я учила Сонного Сэма (зануду-переростка из Англии, приехавшего на каникулы к своему отцу-американцу) делать крабовые котлеты и жарить сыр на гриле. (Поджаривать на среднем огне на сливочном масле, по четыре минуты на каждой стороне, шесть ломтиков острого вермонтского чеддера и два ломтика фонтины). На День независимости он пригласил меня на вечеринку, которую устроил друг его друга. Когда я взяла и заявила туда, он был потрясен. Я подпирала торшер, держа в руке стакан с теплым пивом, слушала разговоры об уроках игры на гитаре и Заке Галифианакисе и пыталась улучшить подходящий

момент, чтобы незаметно улизнуть.

– Да, кстати, если кто не в курсе, это Би, – сказал Сонный Сэм. – Вообще-то она не немая, честное слово.

Я не стала никому рассказывать о сообщении от Уитли, хотя мысль о нем занозой сидела у меня в голове.

* * *

Это чересчур экстравагантное платье я купила, но так ни разу и не надела, даже не вытащила из пакета. Я засунула его в недра шкафа прямо в упаковке, вместе с чеком и ярлыками, намереваясь при случае вернуть покупку в магазин.

И все же оставался микроскопический шанс на то, что я найду в себе мужество надеть его.

Дату ее дня рождения я знала так же хорошо, как дату своего собственного: тридцатое августа.

Это была пятница. В тот день на Мейн-стрит произошло большое событие: появился бродячий пес. Он был без ошейника и, судя по затравленному виду, много чего пережил на своем веку. Серый и кудлатый, он шарахался от всех, кто пытался его погладить, а услышав автомобильный гудок, в панике забился за помойные бачки на заднем дворе «Капитанской рубки».

– Видите желтую солончаковую глину на задних лапах? Она с западного берега ручья Никибогг-крик, – объявил офицер полиции Локке, радуясь первому за год загадочному происшествию.

В тот день все только и говорили о псе: что с ним делать, где он побывал. Лишь намного позже я вдруг задумалась о том, что он появился из ниоткуда, и задалась вопросом: не было ли это знаком, предостережением о приходе чего-то ужасного, о том, что мне следует выбрать не возвышенную и загадочную Неизведанную Тропу, а проторенную дорогу, проложенную задолго до меня и ярко освещенную, – дорогу, которую я хорошо знала.

Впрочем, тогда было уже слишком поздно. Солнце зашло. Сонный Сэм отправился домой. Я перевернула стулья в кафе ножками вверх и поставила их на столики. Вынесла мусор. И вообще, такова уж человеческая природа. Кто и когда обращает внимание на предостережения?

Мои родители пребывали в полной уверенности, что я, как обычно, поеду вместе с ними в Уэстерли, в кинотеатр «Седьмое небо», где по пятницам показывали классические комедии.

– Вообще-то, у меня на сегодняшний вечер другие планы, – заявила я.

Папа пришел в восторг:

– В самом деле, Бамбл? Это просто здорово.

– Я еду в Уинкрофт.

Родители умолкли. Мама, которая только что повесила на дверь табличку «Закррито», обернулась ко мне, кутаясь в кардиган и дрожа, хотя на улице было двадцать четыре градуса.

– И давно ты это решила? – спросила она.

– Не очень. Я буду осторожна. И вернусь до полуночи. У Уитли сегодня день рождения. Они все там будут. Думаю, мне стоит с ними повидаться.

– Уже темно, а путь неблизкий, – осторожно заметил папа.

У мамы был такой вид, будто ей только что сообщили, что жить мне осталось от силы полтора месяца. Иногда, расстроившись, она принималась жевать воображаемую жевательную резинку. Как, например, в тот момент.

– Невозможно пройти через горе, избегая встречи со своим прошлым.

– Дело не в этом. Я...

- Все в порядке, Виктория, - положил руку ей на плечо папа.

- Но доктор Квентин сказал, что ты должна избегать стрессовых ситуаций, в которых...

- Мы же уже пришли к выводу, что доктор Квентин - идиот, - отрезала я.

- И в самом деле, идиот, - сочувственно кивнул папа. - Именем нормального человека государственную тюрьму не назовут! [З - Имеется в виду Сан-Квентин, старейшая тюрьма штата Калифорния.] Могли бы сразу догадаться.

- Вечно вы заодно! Вы же знаете: я терпеть этого не могу, - возмутилась мама.

В этот момент кто-то - краснолицый отдыхающий в полотняных шортах, который явно перебрал пива в «О'Маллиганс», - дернул за ручку, пытаюсь открыть дверь.

- Закрыто! - рявкнула мама.

* * *

Вот так я оказалась за рулем старенького папиного «доджа», страдающего одышкой, на дороге, тянущейся вдоль береговой линии Род-Айленда, в пятидесяти милях от дома.

Уинкрофт...

Само это название вызывало ассоциации с готическим романом о призраках и безумцах. Огромный особняк из красного кирпича со множеством башенок, садилов и горгулий был построен в девятьсот тридцатых годах неким белым охотником, важной персоной: по слухам, он водил дружбу с Хемингуэем и Лоуренсом Аравийским. Он странствовал по свету, убивая прекрасных существ, и за шестьдесят лет провел в Уинкрофте, на взморье, всего несколько недель. Когда бывший второй отчим Уитли, слегка прибабахнутый Берт, которого все для краткости называли БВО Берт, в восьмидесятых купил его с торгов, он отделал интерьеры в том злосчастном стиле, о котором Уитли сказала так: «Точно Мадонна с ног до головы облевала Синди Лопер».

И все же на чердаке дома можно было открыть ящик комода или пыльный чемодан и обнаружить фотографии незнакомцев в лисьих шкурах, с ружьями в руках или чучело экзотического зверька – хорька, красной лягушки или неизвестного науке грызуна. Это придавало каждому посещению Уинкрофта загадочное сходство с археологической экспедицией, будто повсюду – внутри полов, стен и потолков – ждала своего открывателя затерянная цивилизация.

– Мы – это наш собственный хлам, – сказал как-то раз Джим, извлекая из обувной коробки чучело ящерицы.

Я съехала с шоссе, и дорога тут же начала головокружительно петлять, точно пыталась растрясти меня. Побережье Род-Айленда – не печально известная своей чопорностью ньюпортская часть с неприступными утесами и величественными особняками, самодовольно взирающими на крохотные лодчонки, что болтаются на волнах в местной гавани, а все остальное – выглядело запущенным, неухоженным, неряшливым, выгоревшим. Оно напоминало старого бездомного бродягу в заношенной футболке, который не может вспомнить, где провел ночь. Трава выглядела сухой и чахлой, на растрескавшемся дорожном полотне проступала соль, дорожные знаки на обочинах давным-давно выцвели, а светофоры не работали. На другой стороне дороги из болота торчали мосты, которые, судя по их виду, держались на честном слове и были готовы обрушиться в любой момент.

В моем телефоне по-прежнему хранились номера бывших друзей, но звонить я не хотела. Может, их там вообще нет. За несколько месяцев их планы вполне могли измениться. Кто знает, может, я постучу в дверь – и мне откроет вовсе не Уитли, а ее бывший второй отчим Берт, БВО Берт с гривой курчавых седых волос, Берт, миллион лет назад написавший номинированную на «Оскара» трагическую песню о любви, которую исполнял Райан О’Нил. А может, все они будут там. Может, мне просто хотелось увидеть, какими сделаются их лица при виде меня, застать их врасплох и не дать подготовиться.

И потом, если они не будут знать, что я еду, в любой момент можно повернуть обратно. Я еще успею посмотреть вместе с родителями «Его девушку Пятницу» в «Седьмом небе», потом заехать в «Шейкдаун», поесть крабовых котлеток и устриц, поболтать с хозяином, Арти, делая вид, что я не замечаю, как он шепчет отцу, стоит мне отлучиться в уборную: «А Би уже совсем оклемалась». Слово я – раненая скаковая лошадь, которую они решили не добивать. Хотя, конечно, не надо винить в этом Арти. Так реагировали все, узнав о том, что произошло: мой

бойфренд, Джим, погиб в выпускном классе школы.

Внезапная смерть любви всей твоей жизни – это не то, что обычно случается с людьми в подростковом возрасте. Но если такое все же случается, неплохо, чтобы за этим стояла одна из трех самых понятных и распространенных причин смерти в юном возрасте: а) автомобильная авария, б) рак, в) самоубийство. Ты выбираешь подходящий пункт в списке, и ближайший взрослый быстренько рекомендует тебе подборку фильмов (главного героя обычно играет Тимоти Хаттон) и популярных психологических книжек, призванных помочь тебе Справиться.

Но что, если причина гибели твоего парня неведома и ты остаешься одна, вглядываясь в черную дыру вины и неизвестности?

Здесь не поможет ни один фильм, ни одна книга.

Разве что «Изгоняющий дьявола».

Если я не появлюсь сегодня, мои старые друзья соберутся в Уинкрофте и разъедутся по домам и на этом все закончится. Не явившись, я окончательно и бесповоротно отправлю в плавание игрушечную лодочку из моего детства, дам ей толчок, который направит ее к центру озера, подальше от берега, туда, где она навеки окажется вне досягаемости.

И никогда не узнаю, что же случилось с Джимом.

Я крепче сжала руль.

Извилистая дорога, казалось, сама гнала меня вперед, за окошками мелькали пожелтевшие деревья на берегу, а потом внезапно открылся захватывающий вид на гавань с высокими белыми парусниками, похожими на стадо еще не вымерших единорогов. Я поражалась тому, с какой легкостью я вспоминала дорогу: за заправкой «Эксон» налево, дальше направо, на Эльм-стрит, еще раз направо на опасном перекрестке, потом мимо обшарпанных трейлеров, между которых натянуты веревки с бельем, и старых покрышек. Наконец деревья почтительно расступились, открывая взгляду изумительно красивое слияние моря и неба, которое на закате неизменно становилось розово-оранжевым.

И я очутилась на месте. Перед коваными воротами, украшенными буквой «У».

Они были гостеприимно распахнуты. Фонари по обеим сторонам ярко горели.

Я свернула на дорожку и поехала мимо дубовых ветвей, летящих мимо, точно ленты, выбившиеся из хвоста на голове, под свист ветра в открытых окнах. Еще один поворот – и моему взгляду открылся особняк, залитый теплым золотистым светом, сплошь из красного кирпича и шифера, с крылатыми горгульями, навечно примостившимися на крыше.

Подъехав к дому, я едва не расхохоталась при виде четырех машин, аккуратно припаркованных перед фасадом вплотную друг к другу. Все незнакомые, кроме принадлежавшей Марте «хонды-аккорд» с наклейкой на бампере: «Общая теория относительности рулит». В принципе, я без особого труда могла определить, где чья машина.

За это время я очень изменилась. А они, судя по машинам, – нет.

Я поглядела на себя в зеркало заднего вида и пришла в ужас: кое-как собранные в хвост волосы, потрескавшиеся губы, лоснящийся лоб. Будто я только что пробежала марафон, причем пришла последней. Я промокнула лицо бумажным полотенцем из рулона, который папа держал в дверце, пощипала себя за щеки, заправила за уши выбившиеся из хвоста пряди темно-каштановых волос. Потом взбежала по каменным ступеням и постучала в дверь специальным молоточком в виде латунной львиной головы.

Ничего не произошло.

Я нажала кнопку звонка раз, другой, третий, торопливо и не раздумывая, потому что знала: стоит заколебаться, как я утрачу мужество. Я камнем пойду ко дну, точно дырявый башмак, угодивший в омаровую вершу, и останусь там на веки вечные.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Киплинг. На нем были розовый парик под каре, голубая футболка поло, бермуды и пляжные шлепанцы. Дочерна загорелый, он жевал

красную коктейльную шпажку, но при виде меня она вывалилась у него изо рта.

– Боже правый, ущипните меня кто-нибудь, – протянул он со своим южным выговором хлопкового плантатора.

Глава 2

В реальной жизни эффектные выходы не удаются. Вернее, удаются, но не так, как это представляется нам в мечтах.

Нам представляется нечто среднее между латиноамериканским телесериалом (восклицания, ошарашенные лица, размокшая тушь для ресниц) и выступлением Мерил Стрип на церемонии вручения «Оскара» (искромётный обмен репликами, объятия, все люди мира, слившиеся в экстазе).

В реальности же – ничего, кроме неловкости.

Мое неожиданное появление в Уинкрофте было сродни торпедой, выпущенной мимо цели. Я просчиталась и теперь бесцельно плыла по течению, готовая взорваться в любой момент, не поразив при этом цель. Стоя посреди вестибюля под роскошной люстрой в обрезанных джинсах, кедах и футболке, заляпанной «шурум-бурум», я чувствовала себя душой по сравнению с моими чистенькими, только что из душа, лощеными друзьями. Не надо было приезжать.

Они собирались на какой-то аншлаговый концерт в «Бравом матросе», пляжном кабаке, где мы в выпускном классе зависали на выходных, показывая липовые документы. Поэтому все приветствовали меня, не прерывая, однако, сборов. Я не могла отделаться от ощущения, что приехала не вовремя, и разговор не клеился.

Первым делом Кип обнял меня. Потом окинул вежливым взглядом, каким посетитель музея удостаивает крохотную, невзрачную картину, которую экскурсовод упорно перевозит до небес. Тут прибежала Уитли:

– Господи, Беатрис! – Она чмокнула воздух рядом с моей щекой. – Ты все-таки пришла. С ума сойти.

Красота ее оказалась еще более сногшибательной, чем это отложилось в моей памяти. Джинсовые ботфорты на шпильке, модная мешковатая толстовка с гигантскими губами, расшитыми стразами, небрежно обрезанные черные шорты с бахромой, парфюм с нотками кожи и гардении. «Неужели эта красотка из глянцевого журнала когда-то была моей лучшей подругой?» – промелькнула у меня мысль. Сколько раз мы сидели с ней в школе Дарроу-Харкер после отбоя, пятнистые от крема для прыщей, в толстых шерстяных носках. Я рассказывала ей то, о чем не говорила больше никому. Теперь все это казалось внезапно вторгшейся сценой из другого фильма.

– Ну как ты, Би? – спросила она, сжимая мои руки.

– Хорошо.

– Вот уж сюрприз так сюрприз! Ну, в смысле, я не... я... Ой, блин. Надо же занести в дом сидушки с патио. Вроде дождь обещали? – Она поспешила прочь, потрянув гривой длинных светлых волос, но, прежде чем скрыться в кухне, бросила на ходу: – Кип был прав. Он объявил, что ты свалишься как снег на голову, как герой, которого все считают мертвым, из фильма с кем-то типа Джейка Джилленхола в главной роли, но мы сказали ему, что он спятил. Я думала, ты скорее умрешь, чем захочешь видеть кого-то из нас. Ну вот, теперь я должна ему пятьдесят долларов.

– Сто. Сто долларов, – поправил ее Кип, вскидывая палец. – И не пытайся отвертеться, Лэнсинг. Что за манера – вечно всех динамить?

– Что? Ой, погоди. Надо дать Гэндальфу прозак, а то он все описает, пока нас нет.

– У Гэндальфа депрессия, – церемонно кивнув, пояснил мне Кип. – И раздвоение личности в придачу. Немецкий дог, который считает себя комнатной собачкой.

– Я помню, кто такой Гэндальф, – напомнила я вяло.

– Беатрис!

По лестнице босиком сбежал Кэннон, держа в руках кроссовки «Пума». На нижней ступеньке он остановился и тепло улыбнулся мне:

- Глазам своим не верю! Сестра Би собственной персоной. Как там Господь Бог?

- Ха-ха, как смешно.

Он тоже изменился. На нем была бессменная серая толстовка с капюшоном, форма всех хакеров, но не такая, как в Дарроу, – бесформенная, в жирных рыжих крошках от чипсов, которую он таскал, не снимая, по две недели кряду, когда пропадал в ледяном компьютерном классе, оборудованном в школьном подвале. Нынешняя толстовка была из кашемира. Кэннон стал широко известен в узком кругу, когда на втором году нашего совместного обучения обнаружил в операционной системе «Эппл» OS X ошибку: при случайном нажатии определенных клавиш экран «замерзал» и на мониторе появлялась фирменная эппловская заставка – сюрреалистический зимний пейзаж с голубым озером. Он окрестил ошибку «птичьей клеткой Кэннона» и попал на главные страницы миллионов тематических блогов Силиконовой долины. Я знала, что он поступил в Стэнфорд, на факультет информационных технологий, но после этого ничего о нем не слышала.

Кэннон соскочил с лестницы и обнял меня. От него пахло какой-то экзотической древесиной, как от дорогого паркета.

- Ну как колледж? Как мама и папа? По-прежнему держат маленькое кафе-мороженое?

- Да.

Он внимательно посмотрел на меня. Лицо его было непроницаемым.

- Мне оно всегда нравилось.

- Привет, Би, – послышался серьезный голос.

Я обернулась и увидела Марту. Она близоруко щурилась на меня сквозь стекла своих толстенных, как у безумного ученого, очков, придававших ее глазам

известное всем сходство с всевидящими телеобъективами. Вместо всегдашних слаксов с бесформенной оксфордской рубашкой на ней были рваные черные джинсы и безразмерная футболка с немецкой надписью TORSCHLUSSPANIK – значения этих слов я не знала. Свои жидкие каштановые волосы она перекрасила в ядерно-голубой цвет.

– Привет, – поздоровалась я.

– Как ни смешно, ты совсем не изменилась, – протянул Кип; его улыбка была как крохотная пуговка на строгой обивке мебельного гарнитура в парадной гостиной. – Ты что, провела все это время в криозаморозке? Это просто нечестно, малышка. Я успел обзавестись гусиными лапками и подагрой.

Вернулась Уитли, по-прежнему избегавшая смотреть мне в глаза, и схватила свою телесного цвета сумочку от «Шанель».

– Ты же едешь с нами, да? – без особого воодушевления в голосе спросила она, сунув ноги с идеальным педикюром в балетки от «Ланвин».

– Вообще-то, я...

– Конечно же, ты едешь с нами, – заявил Кэннон, обнимая меня за плечи. – Билет я тебе как-нибудь выцарапаю. Или выцарапаю кому-нибудь глаза за билет. В общем, на месте разберемся.

– *Laissez les bon temps roulez*[4 - Давайте веселиться (фр.). Выражение, популярное среди франкоговорящего населения штата Луизиана.], – провозгласил Кип, приподнимая свой стакан.

В молчании протяженностью примерно с Техас мы потянулись на улицу. Тишину нарушали лишь наши шаги да свист ветра, резвившегося в кронах деревьев. Сердце у меня колотилось, щеки горели. Больше всего в тот момент мне хотелось прыгнуть в свой пикап, вдарить по газам и рвануть оттуда со скоростью сто миль в час, сделав вид, что ничего не было.

– Мы поедем на двух машинах? – спросила Марта.

– Нас пятеро, – отозвалась Уитли. – Все влезут в мою.

– Обещаешь хотя бы раз бросить взгляд в зеркало заднего вида, малышка? – спросил Кип.

– Тоже мне, остряк.

Мы забрались в ее темно-зеленый «ягуар» с откидным верхом. Уитли с решительным видом, который, если я правильно помнила, означал, что ей не по себе, принялась жать кнопки на сенсорном экране приборной панели. Двигатель аристократически кашлянул, и верхняя часть машины начала расходиться, точно скорлупа яйца, из которого кто-то пытается проклюнуться. В следующее мгновение мы уже мчались по подъездной дорожке; Уитли втопила педаль газа в пол и рванула с места, как заслуженный ветеран гонок НАСКАР, не обращая внимания на то, что машину периодически заносит на газон и она идет юзом, выкашивая рододендроны. Я сидела на заднем сиденье, зажатая между Кипом и Мартой, и изо всех сил пыталась не слишком наваливаться ни на одного из них.

Кип подбросил свой розовый парик в воздух.

– А-а-а-а! – завопил он, запрокинув голову, когда парик приземлился на асфальт далеко позади машины. – Рок-группа воссоединилась после долгого перерыва! Давайте никогда больше не расставаться! Предлагаю отправиться в мировое турне!

«А как же солист? – до смерти хотелось крикнуть мне. – А про Джима вы не забыли?»

* * *

Когда мы приехали, разогрев уже начался. Разговаривать было некогда. Мы принялись протискиваться сквозь плотную толпу, а Уитли тем временем двинулась к вышибале. Марта пошла занимать столик, а Кэннон принялся обходить в поисках лишнего билетика коротко стриженных парней, явно успевших накачаться «Будвайзером». Мне, прижатой к ограждению, оставалось лишь бесцельно ждать.

– Ребята, идите без меня! – крикнула я Кипу, который материализовался прямо рядом со мной.

– Т-ш-ш. – Он подхватил меня под руку. – Ты снова с нами, и мы больше тебя не отпустим. Я – твоя личная рыба-прилипала. Придется тебе с этим смириться.

Я рассмеялась. Похоже на начало первого за вечер нормального человеческого разговора.

Мы с Киплингом всегда хорошо ладили. Худой и долговязый, с кирпично-рыжими волосами и «лицом джентльмена былых времен», как он сам себя называл, Киплинг был самым невероятным чуваком из всех, кого мне доводилось встречать: эксцентричный и странный, как сломанный талисман на пыльной полке в дальнем углу антикварного магазинчика, овеванный духом авантюризма и удачи. Он был геем, хотя и утверждал, что хорошо рассказанная история значит для него намного больше секса, а к Дарроу относился скорее как к загородному клубу, нежели как к учебному заведению, из которого полагалось вынести какие-то знания. Договорившись позаниматься вместе с Киплингом в библиотеке, ты выслушивал бесконечные байки и замечания о жизни, друзьях и колоритных персонажах из Мосс-Блаффа, крохотного городка в Луизиане, откуда он был родом, – будто мы не сидели в тесной клетушке, замученные подготовкой к экзаменам, а бездельничали где-нибудь на террасе, отгоняя мух. Хотя он был богат, как и все остальные (наследство от скончавшегося универсального магазина), детство у него, как он уверял, было «веселеньким» благодаря кошмарной мамаше, Маме Грир.

О Маме Грир было известно немного, за исключением тех подробностей, которые Киплинг время от времени разбрасывал в разговоре, – наподобие пригоршни конфетти, которые он любил без предупреждения подкидывать в воздух. В детстве она оставляла его без присмотра по нескольку дней подряд, заперев во втором номере мотеля «Ройял соната» («на первом этаже, рядом с торговыми автоматами, чтобы можно было смыться, не заплатив»), без еды, если не считать запасов «Чоко-пая», одного, если не считать телевизора. Закончилось все тем, что на пятилетнего Киплинга напал питбуль, посаженный на цепь на заднем дворе, в результате чего тот лишился трех пальцев на левой руке и приобрел шрам на подбородке, похожий на следы акульих зубов; он гордился им, как медалью «Пурпурное сердце».

– Зовите меня просто Призраком Оперы, – любил повторять он, жизнерадостно помахивая искалеченной рукой у вас под носом.

Когда суд наконец лишил мать Кипа родительских прав и передал опеку над ним престарелой тетушке, он несколько раз сбежал от нее, чтобы вернуться к Маме Грир. Последней дошедшей до меня новостью о Маме Грир было то, что она лежит в батон-ружской психиатрической больнице.

Я хотела спросить, что нового у него случилось за этот год, но тут появилась Уитли и в свойственной ей манере, не говоря ни слова, ухватила меня за запястье и потащила сквозь толпу. Видимо, ей удалось договориться с вышибалой. Тот впустил меня в зал без билета, шлепнув на руку печать. Несколько секунд спустя мы все уже сидели за столиком в одном из передних рядов, глядя, как на сцене кривляется девица с волосами-сосульками, изображая Курта Кобейна.

Меня охватило странное чувство. Барабанщик был очень похож на Джима. Кажется, никто больше этого не заметил, но он выглядел как младший брат моего покойного бойфренда: глаза цвета молочного шоколада, взъерошенные волосы, меланхолический взгляд принца в изгнании. Шум в зале стоял оглушительный – разговаривать было невозможно, и все мы молча смотрели на сцену, погруженные в трясину своих мыслей.

Может быть, только я одна застряла в прошлом. Может быть, у всех в колледже была такая насыщенная жизнь, что все случившееся с нами в старших классах стало казаться мелким и незначительным – и даже гибель Джима поблекла, точно футболка после десяти тысяч стирок.

Давным-давно, в Дарроу, они были моей семьей. Они стали первыми в моей жизни настоящими друзьями – созвездие настолько ярких личностей и настолько верных товарищей, что, подобно отпрыску великой династии, я не могла поверить в свой счастливый жребий. Мы были братством, тайным обществом, на которое все остальные ученики смотрели с завистью, впрочем мы на них даже не обращали внимания. Дружба, если она крепка, делает тебя нечувствительным к внешнему миру. Это ваше личное государство с тщательно охраняемыми границами, полным произволом в предоставлении видов на жительство и богатой культурой, понять которую не способен ни один иностранец. Оказаться отрезанной от них, отправиться в изгнание по собственной воле, как это сделала я год назад, значило обречь себя на скитания

и неустроенность, на кочевую жизнь, на ночлег среди чемоданов в съемных комнатах, на странствия по незнакомым дорогам.

Смерть Джима стала землетрясением, которое стерло с лица земли целые города. Весь этот год я жила в уверенности, что кое-кто из моих друзей знает об этом гораздо больше, чем показывает, но понимала, что шансы узнать правду уменьшаются с каждым днем. Я регулярно заглядывала в «Снэпчат» к Уитли и время от времени видела там всех четверых. Они выглядели такими счастливыми, такими беззаботными!

Будто ничего и не было.

И все же стало ясно, что соотношение сил внутри этой четверки изменилось.

Кип барабанил по столу двумя уцелевшими пальцами левой руки. Уитли то и дело заглядывала в телефон. Марта, казалось, пребывала в несвойственном ей скверном настроении, глуша один за другим коктейли, которые бармен присылал за наш стол, – это пойло называлось «Крушение „Генерала Гранта“» и на вкус больше всего напоминало сырую нефть. Один раз я поймала на себе ее взгляд. Он показался мне обвиняющим. Я улыбнулась в ответ, но Марта отвернулась – так некоторые тропические растения съеживаются при малейшем прикосновении – и больше ни разу на меня не посмотрела. Потом Кэннон наклонился, прошептал что-то Уитли, мимоходом заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос, и я задалась вопросом, не сошлись ли они вновь. Раньше мне казалось, что их удерживает вместе скорее привычка, нежели что-то еще.

Когда группа, приглашенная для разогрева, закончила играть, мне больше всего хотелось исчезнуть. Вызвать такси, вернуться в Уинкрофт, плюхнуться в папину машину, ударить по газам и никогда не вспоминать прошлое. Чего я вообще ожидала? Найти разгадку, бросающуюся в глаза, точно гигантский лопух среди тюльпанов, только и ждущий, чтобы я его выдернула?

И тем не менее я осталась. Я осталась на выступление следующей группы, потом следующей за ней. Я покорно пила «Московских мулов»[5 - «Московский мул» – коктейль из водки, имбирного пива и лайма.], которые ставила передо мной Уитли. Я разрешила Киплингу вытащить меня на танцпол и станцевала с ним чарльстон и фокстрот, позволяя ему крутить меня так, что я то и дело врзалась

в пляжных завсегдатаев, мажоров и суровых байкеров, толпившихся под трясущимися бумажными фонарями и постерами с изображением затонувших кораблей.

«Еще немного, – клятвенно обещала я себе, – и я заведу разговор о Джиме».

После выступления следующей группы Уитли заявила, что хочет домой, в Уинкрофт, но никто не мог найти Кэннона. Как оказалось, он завис на заднем дворе бара, помогая девице, которая перебрала со спиртным и отрубилась у пожарного выхода.

– Ну все, опять он включил рыцаря Ланцелота, – прокомментировала Уитли.

Притулившись у ограждения, мы наблюдали за тем, как Кэннон с эффективностью лоббиста, обрабатывающего конгрессменов, находит пропавших подруг, сумочку, босоножки и айфон девицы. Он даже отыскал ее заколку и аккуратно собрал волосы так, чтобы они не пачкались, когда ее рвало, – это привело в изумление ее свежесобраных подружек, таких же пьяных, как и она сама.

– Слушай, чувак, ты вообще человек?

– А девушка у тебя есть?

– Кто ты вообще такой?

Кэннон пятерней отбросил со лба чуб:

– Я – Бэтмен.

– Ну начинается, – вздохнула Уитли.

Кэннона нельзя было назвать красавцем: худой, с волосами мышиного цвета и невыразительным, каким-то смазанным лицом. Однако все это уравновешивалось бешеной энергетикой, которая неизменно приводила в шок и трепет всех, на кого он ее обрушивал. Стремительный, как заряженный ион, и неутомимый, как пулемет, в первую же свою неделю в Дарроу Кэннон взломал

школьную компьютерную сеть, чтобы продемонстрировать изъяны в ее защите, и немедленно превратился в местного компьютерного гуру. Он привел в порядок обветшалый парк со скульптурами и спортивный зал. Он стал президентом класса и принялся организовывать марши, марафоны и сборы средств в пользу исчезающих видов растений и животных и в защиту прав девушек. При этом он первым признавал, что его бешеная общительность и активная жизненная позиция – это попытка взять реванш за детские годы, когда он был мучительно застенчивым компьютерным фанатом, обожающим Рэя Курцвейла[б - Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – американский ученый, изобретатель и футуролог.], фильмы Спилберга и песни «The Cure», без единого друга, кроме воображаемой мухи по имени Пит, которая жила в недрах его компьютера. Он был приемным ребенком, которого вырастила мать-одиночка, судья Верховного суда штата Калифорния. Кэннон покорила сердце Уитли, обойдя прочих претендентов из числа золотой молодежи, и это могло показаться случаем из серии «принцесса связалась с пажом», но чем лучше вы узнавали Кэннона, тем ясней понимали, что роль принца для него слишком тривиальна. Он был королем – или, во всяком случае, стремился к этому. Я никогда не встречала другого человека, который был бы так же честолюбив и так же мало говорил об этом.

– Всех беспомощных барышень спас или еще остались? – поинтересовалась Уитли, когда Кэннон вернулся обратно, усадив девицу и ее пошатывающихся подруг в такси от «Убера». Тот развел руками в шуточном триумфе:

– Бармен, судя по его виду, вот-вот сляжет с насморком. Но нет. На сегодня мои подвиги закончились.

– Слава богу. Мне нужно лечь спать, чтобы завтра хорошо выглядеть, – зевнул Кип.

Мы забрались в «ягуар». Но сколько Уитли ни жала кнопки на панели управления, складная крыша упорно не желала подниматься. Вручную поднять ее тоже не удалось.

Кэннон вызвался сесть за руль, но Уитли уперлась. Полил дождь, да такой сильный, что воды в воздухе внезапно стало больше, чем самого воздуха. Тридцатипятиминутная дорога домой превратилась в настоящее испытание. Съездившись, мы жалась друг к другу на заднем сиденье, пьяные, продрогшие до костей. В какой-то момент Марту вывернуло на ее же ноги. Мы все дрожали под стремным плащом БВО Берта, который Уитли откопала в багажнике. Уитли

начала плакать из-за того, что не видит дороги. С трудом вписавшись в поворот, мы едва не врезались в едущий навстречу эвакуатор.

Шофер оглушительно засигналил. Уитли крутанула руль. Взвизгнули шины, все закричали, автомобиль потерял управление и вылетел в кювет. Кип с размаху ударился головой о спинку переднего сиденья. Уитли заглушила двигатель, разрыдалась и принялась орать на Кэннона: мол, это он во всем виноват – вечно ему нужно впечатлять посторонних девиц, лишь бы почесать свои детские комплексы, и из-за него мы едва не погибли. Сорвав с его головы бейсболку, она швырнула ее в темноту, потом выскочила из машины, крича, что пойдет искать того, кто подбросит ее до дому, и побежала в сторону леса. Я не могла отделаться от мысли, что ее истерика связана не только с дождем и с аварией, которой лишь чудом удалось избежать, но и с моим внезапным появлением.

Кэннон двинулся следом за ней и несколько минут спустя привел ее, плачущую, обратно. На Уитли была его толстовка. Очень аккуратно, точно пташку с подбитым крылом, он устроил ее на переднем сиденье, прошептав:

– Все будет хорошо, Крикс.

Остаток пути машину вел Кэннон.

* * *

Когда мы, все пятеро, ввалились в дом, до нитки промокшие и пьянящие, у меня впервые возникло ощущение нормальности всего происходящего. Все было как в старые добрые времена. Спасибо заклинившему верху от «ягуара». Как выяснилось, чтобы растопить лед, достаточно побывать на волосок от гибели. Пребывая в приподнятом настроении и стуча зубами, мы стянули с себя промокшую одежду и побросали в кучу. Гэндальф, поскуливая, стал кружить вокруг нее. Уитли скрылась наверху. Марта, на четвереньках стоя перед камином, стонала:

– Я не чувствую ног.

Кэннон сходил в винный погреб, вернулся с четырьмя бутылками дорогущего шотландского виски и принялся разливать его в бокалы для шампанского. Уитли

притащила громадную охапку махровых банных халатов и бросила их на диван, точно гору трупов.

– Мне никогда в жизни не было так страшно, – хихикая, призналась она.

И тут в дверь позвонили.

Мы выпрямились и озадаченно переглянулись, мысленно пересчитывая друг друга. Все были на месте.

– Кто-нибудь, вызовите охотников за привидениями, – заплетающимся языком проговорила Марта.

– Пойду открою, – сказал Кэннон и, криво отсалютовав, скрылся в вестибюле.

Никто не проронил ни слова – все прислушивались. Но тишину нарушал лишь шум дождя, барабанившего по крыше.

Минуту спустя Кэннон вернулся:

– Какой-то чудной старикан. На вид ему лет двести.

– Это Алистер Тоттерс, – подала голос Марта.

– Кто? – раздраженно переспросил Кэннон.

– Злодей и путешественник во времени из «Темного дома у поворота», – промямлила Марта.

– Нет, нет, – жизнерадостно зашептал Кип. – Старый маразматик с Альцгеймером, который удрал из дома престарелых во время дня открытых дверей. Без лекарств. Они всегда сбегают без лекарств.

– Я приглашу его пропустить стаканчик? – со вздохом спросил Кэннон и озорно подмигнул.

- Нет, - прошипела Уитли. - Так начинаются все фильмы ужасов!

- Глава третья, - пробормотала Марта.

- Эй... - Кэннон наставил на Уитли палец. - Это невежливо. Я его позову...

- НЕТ!

И тут мы все наперегонки ринулись в вестибюль, чтобы посмотреть своими глазами, толкаясь и путаясь друг у друга под ногами, хихикая, потуже затягивая на ходу пояса халатов, а затем принялись по очереди заглядывать в глазок, сталкиваясь лбами. Я была уверена, что Кэннон решил нас разыграть и за дверью никого не окажется.

Но он стоял за дверью. Высокий старик с густой седой шевелюрой.

В темноте я не могла различить черт лица, но отметила, что неожиданный гость одет в темный костюм с галстуком. Он с улыбкой подался вперед, будто увидел, что я смотрю на него в глазок.

Кэннон с поклоном открыл дверь:

- Добрый вечер, сэр. Чем можем вам служить?

Старик ответил не сразу. Он обвел нас взглядом, методично всматриваясь в каждого, и мне показалось, что он знает всех нас.

- Добрый вечер, - произнес он на удивление звучным голосом. - Могу я войти?

Никто не ответил ему - так странно и самоуверенно прозвучал этот вопрос. Я твердо решила, что он совсем не маразматик. Глаза - темно-зеленые, поблескивавшие в свете фонаря над дверью - были совершенно ясными.

- А, вы наш сосед, - сказала Уитли, подходя к Кэннону. - Если вы насчет яхты Берта, «Андьямо», то есть насчет того, что он бросил ее перед вашим причалом, то Берт просил передать, что у него какие-то проблемы с якорем и он уже договорился, чтобы ее отбуксировали на следующей неделе.

– Я не ваш сосед.

Он помолчал, выжидательно глядя на нас.

– Все-таки лучше, если я войду и все объясню.

– Говорите, что вам нужно, прямо здесь, – отрезал Кэннон.

Старик кивнул, явно не удивившись. И тут я отметила две странности. Первая странность: он был очень похож на нашего музыкального руководителя из Дарроу, мистера Джошуа. На мгновение в моем затуманенном алкоголем мозгу промелькнула мысль, что это и в самом деле мистер Джошуа, просто за тот год, что я его не видела, с ним произошло нечто ужасное. Он пережил кошмарную трагедию и постарел на двадцать пять лет, волосы поседели, лицо покрылось сеткой морщин. И все же это был не мистер Джошуа. Тот был худощавым и румяным и по любому случаю заливался смехом. Этот же был костлявым, с ястребиным профилем, который ожидаешь увидеть на монетах иностранного государства или на бронзовом памятнике, стоящем в центре города. Его можно было бы принять за брата-близнеца мистера Джошуа, разлученного с ним при рождении и прожившего совершенно иную жизнь: тот воспитывал молодежь, этот же причинял страдания другим, что наложило на его внешность соответствующий отпечаток.

Вторая странность: на дорожке перед домом не было видно машины, и вопрос, как наш гость умудрился остаться абсолютно сухим, придя без зонта, повис в воздухе, вызывая смутную тревогу, точно слабый запах газа.

– Вы все – мертвецы, – произнес он.

Глава 3

– Боже правый! Надеюсь, вы простите меня. Я не совсем точно выразился. – Старик прикрыл глаза ладонью и покачал головой. – Я перегнул палку. Преувеличил для пущего драматизма, как в телесериале. Приношу свои извинения. Давайте попробуем заново, ладно?

Он улыбнулся и откашлялся:

– Вы все почти мертвы. Зависли между жизнью и смертью. Время для вас намоталось на осколок реальности, образовав замкнутую на саму себя потенциальность, именуемую «Проснись в Никогда».

На сей раз удовлетворенный, он кивнул и перевел дух.

– Вы не единственные, кто столкнулся с этим феноменом. Такие моменты возникают одновременно в прошлом, настоящем и будущем по всему миру, во всей Вселенной, известные и неизвестные, скомканные и развернутые. Время движется не линейно. Оно изгибается и мчится через туннели и мосты. Ускоряется. Потом замедляется. Может даже сойти с рельсов. Так вот... В этой заминке, назовем ее так, каждый из вас существует в данный момент. И останется там до нового уведомления.

Старик поклонился, как бессменный инспектор манежа из бродячего цирка – с изящной непринужденностью, к которой примешивалась усталость.

– Я – Хранитель, – сообщил он. – Другого имени у меня нет. То, как я выгляжу и веду себя, мой голос, моя походка, мое лицо, все, что я говорю и думаю, – это совокупность пяти ваших жизней в том виде, в каком они были прожиты. Представьте себе уравнение. Настоящий момент равняется вашим душам плюс окружающие обстоятельства. Хотите еще пример? Представьте, что сознание каждого из вас помещено в блендер. Блендер включают на полную мощность. Получившийся коктейль и есть настоящий момент. А если с вами есть кто-то еще? Это будет несколько другой момент. Я добавил бы к сказанному несколько слов. У меня были бы другие волосы. Другие руки. Другие туфли. «Доксайдеры» вместо «Стива Мэддена». Но я отвлекся. Окружающие обстоятельства. Конечно, вам интересно, что я имею в виду. Так вот...

Он фыркнул, по-прежнему улыбаясь.

– Каждый из вас в настоящий момент лежит, вроде как мертвый, на обочине прибрежной дороги. Смерть наступила вследствие недавнего лобового столкновения с эвакуатором марки «шевроле-кодьяк» под управлением некоего Говарда Хейворда, пятидесяти восьми лет от роду, проживающего в Саут-

Кингстауне, на Адмирал-роуд, двести восемьдесят один. Время стоит на месте. Оно заключено в одной восьмой секунды, как мотылек в банке. Выход, разумеется, есть. Мотылек может выбраться из банки, а время – вновь возобновить свой ход. В течение трех последних минут каждого пробуждения каждый из вас должен проголосовать. Выбрать того единственного, кто выживет. Он вернется к жизни. Остальные же умрут по-настоящему. Это состояние перманентное, но при этом совершенно непознаваемое. Решение должны принять все вместе, допускается лишь один голос в пользу кого-то другого. В живых останется только один. Исключений быть не может. Вопросы есть?

Никто не проронил ни слова.

«И все-таки он маразматик», – подумала я. И похоже, в прошлом подвизался на актерском поприще, потому что произнес свою речь с интонациями закадрового рассказчика из старых вестернов пятидесятых годов, хорошо поставленным баритоном, слегка нараспев, в старомодной величавой манере. Слова лились из него легко и непринужденно, будто он не раз произносил эту речь в прошлом.

Теперь он ждал, что мы скажем в ответ.

– Bravo! – захлопал в ладоши Киплинг.

– Погодите, – нахмурилась Марта. – Он что, продает Библии?

– Чего вы хотите? – осведомился Кэннон.

Старик пожал плечами:

– Я всего лишь ресурс. Я не ищу вознаграждения, ни денежного, ни какого-либо еще. И тем не менее я желаю вам успеха.

– Успеха в чем? – захотела уточнить Уитли.

– В голосовании.

– Послушайте... – сказал Кэннон. – У нас был тяжелый вечер. Скажите прямо, чего вы хотите.

– Видимо, я не сумел как следует донести до вас суть дела. Вы предпочли бы получить эту новость в другом формате? Представление в лицах? Презентационные карточки? Иной язык? На итальянском даже самое зловещее предсказание звучит мягче, именно поэтому Данте использовал его для своего «Ада». – Он откашлялся. – Buonasera. Tra la vita e la morte, il tempo ? diventato congelato...[7 - Добрый вечер. Между жизнью и смертью время застыло... (ит.)]

– Хватит! – рявкнул Кэннон. – Убирайтесь отсюда.

Старика это несколько не обескуражило. Он улыбнулся, обнажив мелкие серые зубы:

– Ну что ж... Удачи вам всем. Бог в помощь.

Он легко сбежал по ступеням, зашагал по подъездной дорожке и через несколько секунд, мокрый с ног до головы, скрылся в темноте двора. Нам были слышны его шаги по мокрой траве.

– Умеют же некоторые мозг выносить, – хмыкнула Марта.

– Ему надо выдать приз как худшему продавцу всех времен и народов. По-моему, он подсмотрел приемы продаж в «Монти Пайтоне».

– Как он там нас назвал?

– Мертвецами, – прошептала я.

– А, точно. Со мной всякое случалось. Бывал и мертвецки усталым, и мертвецки пьяным. А вот просто мертвецом – еще ни разу. Звучит не слишком жизнерадостно.

– Да он религиозный фанатик, – сказала Уитли, грызя ноготь. – Ведь похоже? Из какой-нибудь секты. Может, в полицию позвонить? Вдруг он там не один? Вдруг они решили вломиться в дом и поубивать нас всех или что-нибудь в этом духе?

– Нет, он безобидный, – пробормотал Кэннон. Вид у него, впрочем, был обескураженный. Он прищурился, глядя на пустую дорожку, потом внезапно схватил зонтик и выскочил на крыльцо под очередной оглушительный раскат грома, после которого дождь полил еще сильнее. Выйдя во двор, он оглянулся по сторонам и скрылся в том же направлении, что и старик.

Мы молча ждали. Всем было не по себе.

Примерно через минуту Кэннон вернулся:

– Похоже, он успел выйти на дорогу. Как сквозь землю провалился.

– Давайте проверим камеры наблюдения, – сказала Уитли.

Они двинулись в подвал, где были установлены мониторы. Кип с Мартой, бормоча о том, что им нужно «выпить чего-нибудь покрепче, пока не настал пенсионерский зомби-апокалипсис», поплелись обратно в гостиную.

Я стояла на том же месте и вглядывалась в темноту.

Этот старик определенно вызывал у меня тревогу. Велеречивость, церемонность, выговор такой же, как у диктора и одновременно у человека, год прожившего в Англии, – за всем этим, казалось, скрывался тонкий расчет. Словно то, что он рассказал нам, было лишь небольшой частью грандиозного плана.

Я вглядывалась в чащу леса – не шевельнется ли что-нибудь вдалеке? – и старалась остановить пьяную карусель в голове. Внезапно за моей спиной загремела музыка, перекрывая шум грозы, и ночной морок слегка рассеялся. Глубоко вздохнув, я закрыла дверь и заперла ее на задвижку. Уитли права. Скорее всего, он пытался завербовать новых прихожан для своей церкви.

Тем не менее я прошла мимо Кипа с Мартой, которые гладили Гэндальфа, уютно устроившись на диване, и вышла в холл с телефоном в руках. Мама взяла трубку после первого же гудка.

– Би? У тебя все в порядке?

По ее встревоженному голосу я поняла, что они с папой еще не спят. Наверняка лежат с книгами в постели: папа – с толстенной биографией какого-нибудь президента, мама – с триллером Джеймса Паттерсона, пытаюсь читать его, хотя на самом деле уже в четвертый, если не в пятый раз скользит взглядом по одному и тому же абзацу, а потом взрывается: «Не понимаю, зачем она поехала к ним! У них какая-то загадочная власть над ней». А папа терпеливо отвечает, устремив на нее мудрый взгляд поверх очков: «Ей хочется увидеть их, Виктория, – это ее право. Она уже взрослая. И она сильнее, чем ты думаешь».

Я вдруг поняла, что сама не знаю, зачем звоню, – просто захотелось услышать мамин голос.

– Ехать домой уже слишком поздно. Я заночую здесь, – сказала я.

– Вообще-то, утром ты будешь нужна в «Рубке». Сонный Сэм позвонил и сказал, что он завтра идет к зубному.

– Я приеду.

Мама понизила голос:

– Ну как прошла встреча? Ты можешь говорить? У тебя расстроенный голос.

– Все в порядке. Я люблю тебя.

– Мы тебя любим, Бамбл. Звони, если что.

Я нажала на кнопку отбоя как раз в тот момент, когда в холле появились вернувшиеся из комнаты наблюдения Уитли с Кэнноном.

– Ни на одной видеозаписи его нет, – сказал Кэннон.

– Никаких следов, – подтвердила Уитли.

– Не вечер, а дурдом какой-то, – пробормотала Марта.

– Тоже мне, Хранитель, – покачал головой Кип. – Вылитый Санта-Клаус из Восточной Европы.

Уитли наморщила нос:

– У меня много лет подряд был такой пароль во всех интернет-сервисах. Я серьезно. «Хранитель-один-два-три».

В конце концов мы все сошлись во мнении, что это была Одна из Необъяснимых Вещей, развязавшийся шнурок мироздания. Но гроза продолжала бушевать, одна за другой сверкали молнии и грохотал гром, от гигантского дуба отломился сук и рухнул прямо на террасу, проломив ограждение.

Мы вздрогнули и переглянулись, явно думая об одном и том же: вот и начало кошмара, предвестником которого стал тот странный старик.

Но ничего не произошло.

Прошел еще час. Уитли рассказывала, как ее домогался начальник в сан-францисской юридической конторе, где она летом проходила трехмесячную практику. Кэннон никак не мог определиться, любит он свою подружку, международную чемпионку по фехтованию, или нет.

– Любовь – это неуловимая птица, – заявил он. – Ты всю жизнь преследуешь эту редкую переливчатую птаху, за которой люди гоняются годами, чтобы наконец взойти на гору где-нибудь в Японии и три секунды полюбоваться, как она сидит на ветке сакуры.

– Ты путаешь любовь с совершенством, – возразила я. – Любовь если есть, то уж есть. Как металлический складной стул.

Никто ничего не ответил, и я с запоздалым смущением поняла, что ляпнула это, надеясь вывести разговор на Джима. И почти сделала это. Но потом Уитли поднялась, чтобы принести еще виски, а Киплинг промычал, что в последний раз так напивался в девять лет, и момент был упущен.

– Я скажу, что такое любовь, – заявила Марта, устремив взгляд в потолок. – Это принцип неопределенности Гейзенберга. Стоит только вообразить, что она тут, и сказать об этом вслух, как ее уже нет. Она вон там. А потом вот в этом месте. А после этого – вон в том. Ты не поймаешь ее, а если поймаешь, то не удержишь, как ни старайся.

Я впервые слышала от нее такие слова – как и все остальные, судя по изумленным взглядам. Марта на дух не переносила никакой романтики, и все это знали. В ответ на вопрос, кто ей нравится, она бросала такой взгляд, будто вы – трехголовое чудище:

– Зачем мне тратить время, ценнейший и невозполнимый ресурс, чтобы добиться кратковременного изменения уровня адреналина, дофамина и серотонина в организме?

Встречая в коридорах парочки, держащиеся за руки, Марта демонстративно обходила их по дуге.

– А вдруг это заразно, – поясняла она на полном серьезе.

Разговор перескакивал с темы на тему под перестук дождевых капель. В какой-то момент Кип снова начал называть меня Сестрой Би, после чего Кэннон заявил, что я была единственным человеком в школе, о ком ни одна живая душа – ни учитель, ни ученик, ни родитель, ни уборщица, ни даже муравей – не сказала бы худого слова.

– Ты настолько хорошая, что это даже не раздражает, – добавил Кэннон.

– А помните, – фыркнул Кип, – как на биологии Би даже не сказала мистеру Джетти, что Чед Берман заблевал ей сзади всю блузку? Героически сидела, отвечала что-то про осмос и лишь потом попросилась из класса.

– А та поездка всем классом в Вашингтон, когда мистеру Миллеру пришлось уехать домой к беременной жене и миссис Гилд не стала звать другого учителя, а просто попросила Би?

Они залились смехом.

– Нашли о чем говорить, – отмахнулась я.

Все это время Уитли многозначительно молчала, самодовольно разглядывая пол, словно ей очень хотелось возразить, словно ее разбирал смех.

«Ну когда же? Когда? – так и подмывало спросить меня. – Когда разговор зайдет о Джиме?»

О нашем отсутствующем лидере. О шестом члене компании. О том, кого убили.

Неужели им не хотелось поговорить о нем? Ведь это был Джим. Джим, чья мрачная тень легла на наши жизни; Джим, который и после смерти не перестал владеть умами окружающих. Поэт Джим. Принц Джим.

Конечно, они думали о нем. Разве можно было не думать о нем?

Казалось, он стал чем-то вроде запертого дома в заброшенном поместье, к которому все боятся приблизиться и тем более заглянуть в его мутные окна.

Вскоре я отключилась, а когда проснулась и оторвала голову от диванной подушки, Уитли с Кэнноном спали под одним одеялом перед камином. Кип храпел на кушетке. Не спала только Марта. Похоже, она уже протрезвела и теперь сидела с книгой в кресле, на другом конце комнаты, подперев подбородок ладонью.

– Привет, – просипела я. – Сколько времени?

– Четыре пятнадцать.

За окнами по-прежнему было темно и лил дождь.

– Не могу уснуть, – со слабой улыбкой произнесла Марта. – Старик не выходит у меня из головы. Кажется, что он еще здесь.

Я вздрогнула и покосилась в сторону окна.

Уитли включила полную иллюминацию. Я увидела огромный рухнувший сук, сад с бассейном, вымощенную булыжником дорожку к причалу.

- Да ладно тебе, - прошептала я.

Мы поболтали, но паузы между репликами с каждым разом становились все длиннее и длиннее, как расстояние между последними крохотными островками архипелага, за которыми простирается открытое море.

Мы с Мартой никогда не были особенно близки, хотя все должно было быть как раз наоборот. Единственные стипендиатки в Дарроу, мы были двумя безродными дворняжками скромного происхождения и смирного нрава, волей судьбы угодившими в питомник чистокровных чемпионов.

Она попала в Дарроу, получив стипендию по физике, учрежденную гениальным выпускником, исследовавшим бозон Хиггса. Марта стала первым человеком за двадцать восемь лет, кому ее присудили. Гордость нашего класса, после окончания школы она отправилась напрямик в Массачусетский технологический институт, на факультет прикладной математики.

Выросла она в Южной Филадельфии без матери, с одним отцом. Ее семья была еще беднее моей. Отца Марты я никогда не видела, хотя Кэннон однажды обмолвился, что он держит бензоколонку и носит прозвище Микки Арахис. Джим рассказывал, что у Марты была сестра, намного старше ее, которая умерла от передозировки наркотиков, после чего мать Марты ушла из семьи. Марта, впрочем, никогда не говорила о сестре, а о матери упоминала только в связи с поездкой на Аляску, которую совершила в десятилетнем возрасте.

Проведя немало времени в ее обществе, я так и не выяснила, кого или что любит Марта, если не считать стремного андеграундного фантастического романа под названием «Темный дом у поворота». Прочитав его, она оклеила стены своей комнаты в общежитии плакатами с изображением дымящих паровозов и буквально поселилась на реддитовских форумах в поисках других одержимых фанатов, именовавших себя «излучерами». Время от времени она даже надевала на себя – без малейшего смущения, как ни удивительно, – цилиндр с очками или напудренный судейский парик по случаю дня рождения одного из героев. На дне ее рюкзака всегда лежал экземпляр романа – тысяча растрепанных страниц, отснятых на плохом ксероксе и сшитых размочаленным шнурком. На переменах

Марта погружалась в него, видимо, для того, чтобы ни с кем не разговаривать.

С Джимом их связывала тайная дружба. Они познакомились в детстве в закрытом летнем лагере для одаренных детей, устроенном в особняке девятнадцатого века на севере штата Нью-Йорк. Лагерь назывался «Сыновья и дочери да Винчи». Джим оказался там, сочинив мюзикл про Наполеона, который поставили в частной школе на Манхэттене, где он учился. Мюзикл имел такой успех, что про него написали в журнале «Нью-Йорк». А Марта попала в лагерь потому, что сконструировала у себя в гараже действующий двигатель для самолета.

Это Джим подбил Марту поступать в Дарроу: ему нравилось ее общество. За годы учебы она влилась в нашу компанию, окрашивая каждую ситуацию своей смертельной серьезностью или выдавая невпопад цитату из «Темного дома», которую, разумеется, никто не мог опознать. И тем не менее я всегда подозревала, что единственным ее подлинным сторонником был Джим, а Кэннон, Уитли и Кип лишь мирились с ней, как миришься с досадным, но неизбежным неудобством, вроде астмы или любимого кота твоей половинки. Джим же упорно настаивал на том, что она потрясающая и что когда-нибудь, лет в шестьдесят, мы будем вспоминать прошлое и думать: «С ума сойти – я дружил с самой Мартой Зиглер!»

– И это будет примерно то же самое, что сказать: «Я дружил со Стивеном Хокингом». Вот какой известной она станет.

У этих двоих был особый условный язык: обняв друг друга за шеи, они смеялись над вещами, которые казались смешными только им. И хотя ревности как таковой я не испытывала, порой в глаза мне бросались особенности поведения Марты – тяжелый взгляд, странное замечание, – которые отзывались в мозгу тревожным звоночком и подпитывали мои давнишние подозрения в том, что у Марты есть жгучий секрет – ее влюбленность в Джима. Вот поэтому я никогда ей не нравилась.

Я могла лишь предполагать, что гибель Джима разбила ей сердце. После того как все произошло – дней за десять до летних каникул, – она ходила мрачная и неразговорчивая, а с последней в учебном году церковной службы умчалась первой, точно вспугнутая летучая мышь. Вид у нее был взбудораженный. Я смутно припоминала, что из школы она уехала неожиданно, на день раньше меня, исчезла, ни с кем не попрощавшись. Уитли, всегда обращавшая внимание

на то, что люди предпочли бы утаить, повторяла: «Что-то с Мартой не то».

И вот теперь она буравила меня сквозь очки-телеобъективы своим пристальным взглядом, от которого мне всегда было не по себе. Какие бы чувства ни вызвала в ней гибель Джима, какие бы эмоции ни всколыхнула, все они теперь были скрыты, точно стая синих китов, рассекающих толщу воды под обманчиво-спокойной океанской гладью.

До меня дошло, что Марта только что задала мне вопрос.

- Что?

- Я хотела спросить: ты до сих пор пишешь воображаемые саундтреки?

Она имела в виду мое хобби – сочинять альбомы к несуществующим фильмам. Я просто это делала, сама не знаю почему. В детстве я была мучительно застенчива и страшно стеснялась отвечать на уроках; многие учителя думали, что я заикаюсь или плохо слышу. И вот я начала делать маленькие книжечки со стихами и собственными рисунками к фильмам, которые мне было бы интересно посмотреть. Например, подростковый фильм про вампиров под названием «Кровавая академия». Или «Голубка нова», картина о жизни юной поп-звезды из Швеции, которая затем бесследно исчезла. Никакого смысла в этом не было. Я не могла внятно объяснить, зачем я выпускаю эти альбомы. Просто мне нравилось воображать, что это артефакты из другого мира, существующего за пределами нашего, видного всем, – мира, где я не была стеснительной, а произнесенные слова не скапливались во рту, точно мраморные шарики. В том мире я была храброй. Это была моя альтернативная реальность, мой «стеклянный зверинец», по выражению Джима.

В наш первый школьный год, когда все были в актовом зале на одном из воскресных балов, разразился буран и отключилось электричество. Я случайно порвала платье и поэтому оставила Джима в зале, а сама побежала к себе в комнату – переодеться. К своему изумлению, я застала в общей комнате Марту: вооружившись фонариком, она читала «Гордость и предубеждение», с головой уйдя в книгу и не замечая, что одно из окон открыто нараспашку и в углу уже намело сугроб высотой в три дюйма. Мы просидели два часа вдвоем – только я и она. Это был единственный раз. Я зачем-то показала Марте мою коллекцию альбомов к воображаемым фильмам – наверное, надеялась сгладить неловкость

в отношениях между нами. С тех пор, когда мы оказывались наедине, она спрашивала меня об этих альбомах, видимо считая, что это универсальный способ разговаривать со мной. Честно говоря, это слегка действовало мне на нервы.

– Нет, – с притворным зевком отозвалась я. – Больше не пишу. Пойду-ка я наверх и поищу себе кровать.

Марта с серьезным видом кивнула:

– Спокойной ночи, Беатрис.

Марта вновь уткнулась в свою книгу, а я выскользнула из комнаты и поплелась на второй этаж. Там я заняла мою любимую гостевую комнату в конце коридора, откинула покрывало и забралась в кровать.

В любую другую ночь я не сомкнула бы глаз, преследуемая воспоминаниями, которые были связаны с этой комнатой. Я свернулась калачиком под тяжелым одеялом, и все было как всегда. Не хватало только Джима, который лежал бы, уютно устроившись у меня под боком, и сочинял песни при свете своего телефона.

Я поставила будильник на шесть утра и закрыла глаза. Будет лучше, если я уеду, пока никто из них не проснулся.

И тогда, хорошо это или плохо, я навсегда закрою для себя тему Уинкрофта.

Глава 4

Когда я открыла глаза, вокруг было светло.

Я замерзла и вспотела. Нет, это не был пот, поняла я мгновение спустя, проморгавшись. Это был дождь. На мне нитки сухой не было, потому что я сидела на заднем сиденье «ягуара», верх которого был по-прежнему откинут. Кто-то, по-видимому очень пьяный, припарковал его точнехонько посреди клумбы во дворе Уинкрофта.

Дождь все еще лил как из ведра. По сторонам от меня сидели Кип с Мартой. Вид у обоих был озадаченный.

– Что ты делаешь? – спросил меня Кип. Он насквозь промок, глаза налились кровью. С кончика его носа свисала дождевая капля. – Куда ты нас везешь?

Я понятия не имела, чего он от меня хочет. Выбравшись из машины, я бросилась по дорожке к дому, рванула на себя входную дверь и едва не столкнулась с Уитли. Она стояла столбом посреди вестибюля, в той же самой одежде, которая была на ней вчера вечером. Уитли выглядела настолько потрясенной, что я немедленно поняла: случилось что-то ужасное.

– Что? Что такое?

Но она лишь молча прошла мимо меня, не в силах вымолвить ни слова.

Я поспешила следом за ней в кухню. Потом, по-прежнему дрожа, произвела ревизию собственного тела. Чувствовала я себя вполне нормально. В голове – полная ясность. И все же я почему-то проспала. К открытию «Рубки» уже не успеть. Родителям в одиночку придется справляться с утренним наплывом посетителей, потом с обеденным; папа в запарке не вспомнит, что людям нужно говорить о фирменных блюдах, мама начнет твердить, что фирменные блюда больше не нужны, слишком уж дорого, – и этого иногда бывало достаточно, чтобы они вдрызг разругались, хотя такое случалось крайне редко.

Кэннон стоял посреди кухни у островка и что-то набирал на своем ноутбуке.

– Вот, смотри! – бросил он через плечо, очевидно приняв меня за Уитли. – «Нью-Йорк таймс». Точно та же, что и вчера.

Я подошла и остановилась рядом с ним. Он был взвинчен, будто выпил пять-шесть чашек кофе.

– Что случилось?

– Что случилось? – передразнил он, оборачиваясь ко мне, потом схватил меня за голову и повернул лицом к экрану.

– «Сенат настаивает на новой иммиграционной инициативе», – прочла я вслух.

– Ты на дату взгляни! – рявкнул он.

– Пятница, тридцатое августа. И что?

– И что? И что?! А то, что это вчера! – Нахмурившись, он вновь застучал по клавишам, загружая сайт Си-эн-эн. – Си-эн-эн. «Пост». «Тайм». Дата везде та же самая.

Он сунул мне в руки свой айфон. Ничего не понимая, я вытаращилась на дату, светившуюся на экране поверх экранных обоев – фотографии его фехтовальной подружки-чемпионки.

Он был прав. «30 августа. 17:34».

Видимо, с линией перемены даты что-то случилось. Или террористы взломали Интернет. Словно прочитав мои мысли, Кэннон сунул мне под нос свои часы. Стрелки показывали пять тридцать пять. На индикаторе даты стояло тридцатое.

– Как хакеры могли подкрутить мой «Таг Хойер»?

Я лишь молча хлопала глазами.

Тут его телефон завибрировал. Звонила некая Александра. Он схватил трубку:

– Алекс! Не отключайся. Так, погоди, погоди... Скажи, сколько сейчас времени и какое сегодня число. Время и дату. Я тебе все сейчас объясню – ты можешь сказать мне чертову дату? Я же не прошу тебя процитировать мне Декларацию незави... Ну почему нельзя просто заткнуться и сказать мне, какое сегодня...

Не знаю, что ответила озадаченная Алекс, но Кэннон, охваченный яростью, запустил телефоном в раздвижную стеклянную дверь. А потом рухнул на диван, с безумным видом глядя в пол. Я бросилась к своей сумочке, порылась в ней и вытащила телефон, что само по себе было очень странно: ведь в последний раз я держала его в руках там, наверху.

Дата на экране была в точности та же самая. 30 августа. Чувствуя дрожь от подступающей паники, я позвонила маме.

- Привет, Бамбл...

- Мама. Мама? Где вы?

- Едем смотреть «Его девушку Пятницу». А что?

- Вы что, вчера не посмотрели?

- Вчера?

- Мама, какой сегодня день?

- Что? Почему ты кричишь?

- Какое сегодня число?

- Пятница... пятница, тридцатое августа.

- Ты уверена?

- Дата прямо передо мной, на приборной панели.

- Сегодня тридцатое, - вклинился в разговор папа.

- Мама, я звонила тебе вчера вечером, помнишь?

- Вчера вечером? Что?

- Вчера вечером я позвонила тебе и сказала, что остаюсь ночевать в Уинкрофте. А ты попросила меня приехать к открытию, потому что Сонному Сэму надо к зубному.

– Сэм завтра не выйдет? Он позвонил тебе? Сэм завтра не выйдет! – сообщила она папе.

– Он позвонил Би, хотя мы раз двадцать проверили, что у него есть наш номер?

– Би, что у вас делается? Может, мы приедем и заберем тебя?

Я нажала кнопку отбоя, чувствуя, как грохочет в ушах кровь. Мама немедленно перезвонила, но я была не в состоянии с ней разговаривать.

Я уселась на диван и попыталась успокоиться. Наверняка это сон, и все. Очень реалистичный сон. Я велела себе проснуться. «Проснись». Потом стало ясно, что в доме появились Кип с Мартой. Они остолбенело застыли посреди вестибюля, словно только что очнулись и поняли, что ходили во сне. Уитли отступила обратно на кухню. Все ее движения были замедленными, как у того, кто ходит по поверхности Луны.

– Эй, – еле слышно прошептал Кип. – Что тут – землетрясение? Или конец света, о котором мы узнали последними?

И тут в дверь позвонили.

Я не стала дожидаться остальных, вскочила с дивана, метнулась мимо Кипа с Мартой к входной двери и распахнула ее.

– Быть может, теперь меня пригласят на чашку чая, – произнес тот самый старик.

Глава 5

– Главное – сохранять спокойствие, – сказал Хранитель. – Паника ни к чему хорошему не приведет.

Он заваривал чай.

Чая он попросил первым делом, едва переступил через порог, а поскольку все мы пребывали в крайнем смятении и не отреагировали на его слова, он, к полному нашему изумлению, занялся этим сам. Он набрал в чайник воды, поставил его на плиту, зажег газ и достал из шкафчика кружку, точно был частым гостем в этом доме.

– Запомните одну вещь, – возможно, это вас приободрит, – продолжал он, отточенным движением поправляя узел синего шелкового галстука. В этот миг на него упал свет лампы, и я различила на шелке отчетливый орнамент в виде оленей, точно воспроизводивший скульптуру у входа в Дарроу. – Многие попадали в Никогда и до вас. Многим предстоит попасть туда в будущем. Сотни миллионов завершат свой земной путь, так и не получив шанса, который выпал каждому из вас. Считайте это драгоценным даром. Шансом изменить историю, ибо, выбрав того, кто останется в живых, вы повлияете на бесконечные миллиарды будущих мгновений. Вы должны полагаться друг на друга. Каждый из вас – ключ, а все остальные – замки к нему. Это не кошмар и не сон. Это трещина, в которую все вы будете падать, пока не придете к согласию. Чем скорее вы смиритесь со своим положением, тем скорее покончите с ним.

Этот старик в доме, снова в доме, одетый все в тот же темный костюм, говорящий все тем же величавым голосом, настолько не вписывался в реальность, что никто из нас не мог вникнуть в его слова. Уитли с Кипом стояли у кухонного островка и таращились на него разинув рот, словно им явился полтергейст. Марта с каменным лицом сидела на диване, – казалось, будто она собирается упасть в обморок. Я изо всех сил старалась вдумываться в то, что говорит старик: вдруг это поможет понять, кто он такой на самом деле? Но все это время мой внутренний голос буквально-таки вопил: «Это розыгрыш. Просто розыгрыш!» Это не могло быть правдой. Кто-то решил сыграть с нами изощренную и злую шутку – то ли международные террористы, то ли хакеры из «Анонимуса» или из другой группировки.

Еще раньше я заметила краем глаза, как Кэннон скрылся наверху. Теперь он вернулся со спортивной сумкой на плече.

– Я поехал, – объявил он.

– Как?! – немедленно вскинулась Уитли. – Куда?

– В аэропорт.

– Но сегодня вчерашний день, – сказал Кип.

– Нет. Не вчерашний. Да, мы не можем этого объяснить, но какое-то объяснение существует. Наверняка на физическом факультете Гарварда ищут его прямо сейчас.

– Боюсь, на физическом факультете Гарварда ничего не знают о вашем бедственном положении, – вмешался Хранитель, наматывая чайный пакетик на ложку, чтобы отжать его. – Сейчас там ломают голову над квантовой гравитацией. Точнее, над вакуумной катастрофой.

Кэннон послал ему холодный взгляд:

– Я еду домой.

– И что ты будешь там делать? – поинтересовался Кип. – Пожалуешься мамочке? «Мама, сегодня опять настало вчера»?

Кэннон пожал плечами:

– С ним я тут хрен останусь.

Он вышел. До нас донесся хлопок входной двери. И тут Уитли неожиданно со всех ног бросилась за ним. И Киплинг. И Марта тоже. Все разом сорвались со своих мест и побежали, словно узнали, что у старика есть при себе взрывчатка, на ходу хватая ключи от машин, сумочки, кофты, телефоны. Мне не хотелось оставаться с ним наедине, поэтому я тоже схватила сумку и выскочила под дождь. Все наперегонки неслись к своим машинам. Один за другим завелись двигатели; вздрогнув, пришли в движение дворники. К тому времени, когда я раскочегарила свой старенький «додж», остальные четыре машины уже скрылись.

Хранитель вышел на крыльцо и остановился, прихлебывая чай.

Все это – наше бегство, притом что в доме оставался совершенно незнакомый человек, – было безумием, которое не укладывалось в голове.

– Не волнуйся! – жизнерадостно крикнул он мне, перекрывая шум дождя. – Я обещаю не красть хозяйское серебро!

Я втопила в пол педаль газа, и «додж» с ревом рванул с места. Меня не отпускало ощущение, что за мной гонятся. И все же, завернув за очередной поворот, я увидела, что никто меня не преследует. Когда я бросила прощальный взгляд на Уинкрофт – красный кирпичный особняк, притулившийся за холмом, – даже Хранитель куда-то исчез.

* * *

Начинало темнеть. Дождь все лил и лил со свинцового неба. Я проехала несколько миль, пристально вглядываясь в каждого встречного водителя, желая убедиться, что все они – настоящие, живые люди, а не призраки, инопланетяне или зомби (большинство из них таращились на меня, видимо гадая, что со мной случилось), и начала понемножку расслабляться. Все водители выглядели совершенно нормальными людьми, живыми, обыкновенными. Они жевали жвачку и тыкали в кнопки радиоприемников, нимало не задумываясь о том, какой сегодня день и сколько времени.

Все было в порядке.

Я снова набрала номер мамы.

– Би?

– Вы где?

– В кино. Что случилось? В прошлый раз у тебя был такой странный голос, мы с папой даже испугались...

Я поехала напрямик в Уэстерли. Родители, белые как мел, ждали меня перед кинотеатром. Я припарковалась посреди пожарного проезда, выскочила из машины, не заглушив двигателя, и обняла их.

Они настоящие. Я не сплю. Все будет хорошо.

Мама была расстроена:

– Не вздумай никогда больше общаться с этими...

– Виктория! – одернул ее папа.

– Что? Ты посмотри на нее. На ней лица нет. Все! Хватит с нас одного раза. Эти ее друзья – они же насквозь гнилые. Избалованные. Всю жизнь живут и никогда не смотрят на то, что наворотили, а мамочки и папочки утирают им сопли и выгораживают их.

– Они ведь совсем дети.

– Из-за этих «совсем детей» наша дочь два месяца не могла ни есть, ни спать, если ты не забыл.

– Это был шок. И горе.

По моим щекам текли слезы, но родители, конечно, не догадывались о том, что это слезы облегчения. Дня, который уже был, на самом деле не было.

А все это – было.

Я кое-как успокоила родителей, и мы поехали ужинать в «Шейкдаун». Мы поболтали с Арти, который угостил нас яблочным пирогом за счет заведения. Мы прогулялись по дощатому настилу вдоль набережной, обсуждая очередное предложение от застройщиков: продать «Капитанскую рубку», чтобы на ее месте выросли жилые дома. Родители были встревожены не столько моим внезапным появлением, сколько неожиданным энтузиазмом по поводу перспективы провести с ними вечер: на протяжении всего лета я относилась к ней холодно. Но вслух они ничего не сказали, сделав вид, что поверили в объяснение моего внезапного отъезда: «Я не могла больше там оставаться. Мы просто переросли друг друга, понимаете?»

А еще они всю дорогу добродушно посмеивались над моим маниакальным стремлением продлить этот вечер, полюбоваться каждым морским пейзажем в каждой витрине каждой галереи, прогуляться к старым качелям на пляже, рядом с которыми, на стене, краской из баллончика была выведена надпись: «Жизнь – всего лишь сон», оттягивая необходимость ехать домой и ложиться спать.

Я боялась спать, потому что мысль о том, что я уже прожила этот день, не выходила из моей головы, точно случайно привязавшаяся дурацкая песенка.

Домой мы приехали слегка за полночь. За рулем моего «доджа» сидел папа: я сослалась на усталость, хотя на самом деле не желала оставаться одна в машине. Мы ввалились в дом. Папа отчаянно зевал. Мама отправилась загружать посудомойку.

– Ты посидишь со мной, пока я не усну? – попросила я ее.

– Ну конечно, – улыбнулась мама, хотя моя просьба явно встревожила ее. В прошлый раз я просила ее об этом сразу после гибели Джима.

Она присела на краешек моей кровати, и мы поговорили сначала о том, что надо бы поменять меню в «Рубке», потом о сносе разводного моста: муниципалитет вынес этот вопрос на голосование. Я понимала, что маме очень хочется расспросить меня о них, о моих старых друзьях, и о том, что произошло сегодня, но она не решается.

В какой-то момент она встала и принялась внимательно разглядывать белые в цветочек обои на стенах моей комнаты.

– Нет, ты только погляди. Папа сказал, что он с этим разобрался.

Она поскребла ногтем стык обоев в углу и пальцем поддела краешек. Часть бумаги немедленно отошла от стены.

– Что?! Да здесь все в плесени.

– Это знак. Вам нужно продать «Рубку» и переехать во Флориду.

Мама скрестила руки на груди:

– Я что, похожа на пенсионерку?

Я почувствовала, как меня одолевает сонливость. Мама говорила что-то о папиной больной спине, о том, как ему тяжело и как он скрывает это. Держа ее за руку, я начала проваливаться в сон.

Мамина рука была настоящей. А то, что случилось до этого, – нет. Ну решил день повториться. Тоже мне, событие.

На какие только ухищрения не пойдет разум, чтобы уберечь тебя.

Разум изо всех сил старается смягчить последствия любой катастрофы, делая все возможное и невозможное. Но потом разрыв между действительностью и искусно сплетенной иллюзией становится слишком большим, и даже разуму не под силу это выдержать. Все попытки самоуспокоения и самовнушения, все надежды на то, что все закончится хорошо, неминуемо расползаются в клочья и обращаются в ничто.

И тогда прозрение оборачивается кошмаром.

* * *

Проснулась я опять под дождем на заднем сиденье «ягуара», зажата между Мартой и Киплингом. Когда я выскочила из машины и бросилась в дом, меня так колотило, что пришлось сесть на диван, опустить голову между раздвинутых коленей и продышаться, стараясь не потерять сознание.

Я снова очутилась там же. В Уинкрофте. Хорошо хоть живая.

Но разве это жизнь?

Гэндалф с лаем носился кругами по гостиной.

– Нет. Нет. Нет! – закричала я Кэннону.

Он снова стоял за кухонным островком и что-то набирал на клавиатуре своего ноутбука, но – явно после того, как увидел все ту же дату, – захлопнул его и бросил в другой конец комнаты.

Вскинув глаза, я ошеломленно поняла, что Уитли мечется по дворику, охваченная очередным припадком ярости. До нитки промокшая, она выдергивала белые зонтики, прикрепленные к садовым столикам, и швыряла их за ограждение. О ее бешеном темпераменте в Дарроу ходили легенды.

– Психичка ненормальная, – шипели самые злоязыкие из девчонок.

Я всегда завидовала этому – уму и красоте Уитли в сочетании со способностью, совершенно не заморачиваясь приличиями, закатывать сцены и давать волю своим первобытным эмоциям. Это казалось несправедливо шикарным, словно она была неукротимой героиней викторианского романа. (Даже затертая фразочка, ходившая по школе, – «темперамент Лэнсинг» – казалась восхитительно старомодной, чем-то вроде названия экзотического недуга, от которого не существовало лекарства.) Такой же необузданной – вот какой я мечтала быть. Уитли бросалась в бой очертя голову. Я цепенела. Уитли открывала рот и вопила. Я немела. Ее припадки ярости были монументальными, пятизвездочными, мультиплатиновыми. Они исходили из какого-то клокочущего источника внутри нее, происхождение которого Уитли не могла объяснить. Раскрасневшись, сверкая глазами, она разносила свою комнату в общежитии, раздирала в клочья тетради, молотила кулаками по стенам, переворачивала столы, в пух и прах ругалась с учителями, нимало не задумываясь ни о такте, ни о жалости, ни о последствиях. В такие моменты мне всегда казалось, что Уитли видит другой мир, незримый для всех остальных, настолько уродливый и бескрайний, что он не вмещается в рамки английского языка.

Из-за этих припадков она вечно попадала в изолятор. Ее вышибли бы из школы, если бы не ее мать, Линда, генеральный директор фармацевтической корпорации «Лэнсинг драгс», которая прилетала из Сент-Луиса в роскошной норковой шубе и все улаживала: например давая деньги на очередное крыло школьной библиотеки. Благодаря этому Уитли разрешили выезжать за пределы школы – к психологу в Ньюпорте. Когда на нее в очередной раз находило, я всегда бросалась к ней и крепко обхватывала руками, как астронавт, преграждающий товарищу путь в открытый космос.

Теперь же, глядя, как Уитли хватает садовый стул и с воплем выкидывает его за ограду, я лишь тупо смотрела на нее, будучи не в состоянии сдвинуться с места. Я была не в силах ей помочь. Я была не в силах помочь себе.

В кухне появились Киплинг с Мартой и принялись озиаться по сторонам с видом людей, оценивающих ущерб после торнадо.

– Надо куда-нибудь обратиться, – дрожащим голосом сказал Киплинг. – В ФБР? В ЦРУ?

– И что мы им скажем? – поинтересовалась у него Марта. – Что время заело как пластинку?

– Не может же быть, чтобы мы одни так попали. Это ЧП национального масштаба.

– Андерсон Купер[8 - Андерсон Купер (р. 1967) – американский журналист, писатель и телеведущий.] наверняка уже весь в работе, – пробормотал Кэннон. Он сидел на полу, обхватив шею сцепленными руками, словно был в бомбоубежище. – «Сегодня. Экстренное сообщение. Сегодня – это вчера. Снова. Подробности развития событий, которого не происходит. Делитесь с нами вашими историями в „Твиттере“, хэштег – „День сурка наяву“».

Киплинг схватил пульт, повернулся к телевизору и принялся переключать каналы. Везде шла обычная дребедень. «Далее в программе: как приготовить омлет-трехминутку». «Белое белье остается белоснежным, а цветное сохраняет яркость».

В дверь позвонили.

Никто не сдвинулся с места.

Через несколько секунд в комнате появился Хранитель с сочувственным, даже слегка отеческим выражением на лице. Теперь в его облике сквозило что-то неуловимо пугающее: тот же костюм, тот же галстук. Меня затошнило.

– Этот день будет самым трудным, – пояснил он. – Второе пробуждение переживается тяжелее всего.

– Скажите нам, что делать, – подала голос Марта.

– Я уже говорил. Проголосуйте.

«Проголосуйте». Как будто речь шла о том, чтобы свернуть налево, а не направо.

Уитли, видимо, заметила Хранителя через окно: раздвижные стеклянные двери разъехались, и она выросла на пороге, тяжело дыша, буравя старика взглядом, омываемая струями дождя. Ни дать ни взять сцена грозы из старого фильма. Прежде чем кто-нибудь успел вмешаться, она подскочила к столику, схватила китайскую вазу и запустила в голову старика.

Хранитель рухнул на пол как подкошенный. Кэннон бросился к Уитли, но та грубо отпихнула его и, схватив Хранителя за галстук, поволокла в кресло. Затем она принялась метаться по кухне, открывая шкафчики и выкидывая на пол кастрюли, ложки и поварешки.

– Цикл насилия – это всего лишь бессмысленное отрицание реальности, – сказал Хранитель, держась за голову.

Уитли уже стояла перед ним с мотком кулинарного шпагата. Безжалостно связав ему запястья, она взмахом четырнадцатидюймового разделочного ножа перерезала шпагат, едва не задев при этом челюсть старика. Потом, сжав зубы, она нагнулась и проделала то же самое с его лодыжками. Хранитель не сопротивлялся и не протестовал – лишь молча смотрел на нее с таким выражением, словно все происходящее крайне забавляло его. Так отец смотрит на четырехлетнего сына, пытающегося закопать его в песок на пляже.

Уитли подтащила табуретку и уселась перед стариком, откинув со лба волосы:

– Давай выкладывай.

– Что именно? – уточнил Хранитель.

Она отвесила ему смачную оплеуху.

- Уитли! - одернул ее Кэннон.

- Говори, кто все это устроил и как нам выбраться!

Хранитель прикрыл глаза:

- Я же сказал. Проголосовать. А насчет того, кто это все устроил... Есть бесконечное множество вариантов. Вселенная, Бог, Абсолют, Всевышний, Сущий, Адонай, Ахурамазда...

Последовала новая оплеуха.

- Уитли... - прошептал Киплинг. - Думаешь, это хорошая идея - устраивать бедняге такую тарантиновщину?

- Никакой он не бедняга. Он играет с нами.

Очередной удар. Хранитель продолжал невозмутимо восседать в кресле. Из его носа струилась кровь. Я заплакала, но даже не попыталась остановить Уитли. Никто не попытался. Мы все пребывали в каком-то оцепенении, и у каждого в голове наверняка скреблась мыслишка - как ни ужасно в этом признаваться, - что если хорошенько отделать Хранителя, возможно, мы вытащим из него хоть какую-то информацию, то, что положит конец всему этому. Он признается, что это - лишь хитроумная игра; занавес упадет, декорации разлетятся на части. Мы все посмеемся. «Оборжаться. А мы-то купились». К тому же в глубине души я надеялась, что, как это уже случалось с моими детскими кошмарами, если события примут совсем уж странный оборот, сон развеется и я проснусь.

Уитли снова ударила Хранителя.

- В последние три минуты каждого сеанса пробуждения вы будете голосовать за того единственного, кто останется в живых...

- Почему в живых остаться должен только один? - неожиданно спросила Марта, подходя к Уитли и останавливаясь рядом с ней.

– Я не могу объяснить, как и почему происходит что-либо в Никогда. Это определяете вы сами.

– Но если время остановилось, – спросил Кэннон, – почему мы не можем вернуться к нормальной жизни?

– Только на одиннадцать целых и две десятых часа. Шестьсот семьдесят две минуты. Это продолжительность вашего пробуждения. Для Кэннона и Уитли она составляет шестьсот семьдесят пять минут. По окончании этого времени вы все снова просыпаетесь в Никогда, так же неотвратно, как Золушкина карета в полночь превращается обратно в тыкву. Авария, в которую вы попали, образовала затяжку в материи пространства-времени, что-то вроде складки на ткани. Но настоящий мир никуда не исчез. Он живет вокруг вас по своим законам, наподобие пули, оставшейся в патроннике.

– А время начала нашего пробуждения – что оно значит? – спросила Марта.

– Начало и конец пробуждения определяются бесконечным числом факторов, включая резкость импульса, силу связи и простую случайность.

Уитли, похоже, больше не могла этого слышать. Она швырнула нож на пол, схватила с кухонного островка телефон, набрала какой-то номер и начала отрывисто говорить о чем-то приглушенным голосом, на ходу надевая свои «конверсы».

– И куда ты собралась? – спросил Кэннон.

– В Т. Ф. Грин.

Так назывался аэропорт для частных самолетов неподалеку от Провиденса.

– Я забронировала самолет на Гавайи. Вылет через час. Поехали.

– Боюсь, это ровно ничего не изменит, – вмешался Хранитель.

Уитли уставилась на него:

– В конце этого вашего – как его там, пробуждения? – мы будем в самолете, в тридцати шести тысячах футов над Тихим океаном. И что, по-вашему, произойдет? Мы исчезнем из салона, в духе всех этих трюков Вилли Вонки? Или как?

– Сами увидите, – отозвался Хранитель.

* * *

Все отправились вместе с Уитли, кроме меня.

Я не смогла. Я была слишком опустошена, слишком напугана перспективой оказаться так далеко от родителей, в небе, внутри металлической коробки, вместе с ними.

Вместе с ними.

Теперь они стали для меня «ими». Я больше не была одной из них. Если что-то и стало ясно, то именно это: люди, которых я когда-то любила и которым доверяла больше всех на свете, стали для меня совершенно чужими.

В чем я провинилась? Почему я должна очутиться в аду вместе с ними?

Я не могла думать об этом. Вернее, не могла позволить себе развивать эти мысли. Надо было сосредоточиться на текущих событиях. На большее меня не хватило бы.

Я смотрела, как они, в разной степени убежденные, набиваются в джип Кэннона. Каждый, конечно же, думал, что план Уитли – немедленно бежать на запад, на тропический остров, – провалится. И все же они пошли за ней. Из солидарности? В напрасной надежде на то, что план все-таки сработает, что принадлежащий Линде «Гольфстрим-5» с бежевыми кожаными сиденьями и подносами, на которых лежат ломтики манго, прорвется сквозь розовую сахарную вату облаков и унесет их прочь из замкнутого круга, станет той лазейкой, тем потайным ходом, тем пропуском, благодаря которому они вырвутся из этого кошмара?

На негнущихся ногах я спустилась с крыльца и, почти не ощущая струй дождя, забралась в «додж». Уже дав задний ход, я увидела, что Хранитель умудрился высвободиться из пут и стоит на крыльце с окровавленным лицом. Гэндальф льнул к нему, точно обрел хозяина, с которым долгое время был разлучен.

На этот раз старик не произнес ни единого слова. В словах не было необходимости. Улыбка, которой он проводил меня, сказала все.

«Скоро увидимся».

Глава 6

Не спать не получалось.

Мы пробовали. Но сколько бы чашек кофе или банок «Ред булла» ты ни выпил, сколько бы таблеток кофеина или женьшеня ни принял, тело все равно затягивало в бездну сна – самого кромешного сна в твоей жизни. А потом ты оказывался там, где все началось.

В пробуждении.

Покончить с собой тоже было нельзя.

Кип пробовал. Он повесился на ремне БВО Берта в одной из комнат второго этажа. Я его не видела. Мне рассказала Марта. В следующем пробуждении, как обычно, он вновь очнулся рядышком со мной на заднем сиденье «ягуара», целый и невредимый: ни черно-багровых отметин вокруг шеи, ни распухшего лица.

Будто ничего и не было.

– Мы бессмертны, – заявил Кэннон. – Надо захватить Белый дом.

– За одиннадцать целых и две десятых часа? – осведомилась Марта. – Мы не успеем даже доехать до Чикаго, а тем более завладеть свободным миром.

Рассказать родителям. Заявить в полицию. Сдать Хранителя властям. Позвонить на горячую линию психологической помощи. Сдаться в местную психушку и попросить дежурного психиатра сделать так, чтобы завтрашний день наконец настал. Сходить на исповедь. Пожаловаться водителю автобуса, таксисту, замотанной официантке в круглосуточной забегаловке, которая чего только не видела, согбенной старушке в отделе заморозки супермаркета, затаривающейся в промышленном количестве замороженными слойками с пепперони, мужику в кожаной куртке, присматривающему обручальное кольцо в «Кеймарте». Прочитать двести пятьдесят две книжки в разделе научной литературы Уорикской публичной библиотеки и сто тыщ миллионов текстов в «Google-книгах», пытаюсь выяснить, не касался ли кто-нибудь из мудрецов вроде Коперника, Аристотеля, Дарвина или Хокинга, хотя бы отдаленно, таких тем, как ошибки во времени, космические залы ожидания, смертельные лотереи в чистилище, человеческие террариумы в аду.

– Напомните, какая тема вас интересует? – переспрашивала меня библиотекаря.

– «Проснись в Никогда».

Она набирала название на клавиатуре, потом качала головой:

– В Библиотеке Конгресса ничего нет.

Мы перепробовали все это еще в начале.

И каждый раз просыпались в том же самом месте, в то же самое время. Мы были как песни, поставленные на бесконечный повтор, как светлячки в стеклянной банке, как крики, нескончаемым эхом отдающиеся в ущелье.

Замкнутый круг повторений противоречит самой сути человеческого существа, и это – скажу с полной уверенностью – совершенно невыносимо. Разум лихорадочно работает, пытаюсь опровергнуть твои ощущения. Когда ничего не получается, мозг с поразительной легкостью выходит из строя. Психика – вещь хрупкая. Все равно что детский замок из песка перед набегающей волной. Теперь я поняла, как мало у нас возможностей для того, чтобы контролировать наш мир и вообще что-то, кроме собственных действий, поняла, что моя маленькая жизнь мне не принадлежит. Мы были беспомощными пассажирами,

запертыми в космическом корабле, который вращается вокруг Марса. Солнце, небо, звезды... Сколько времени я потратила, глядя на них? Сколько часов провела, лежа в шезлонге у бассейна под проливным дождем и сожалея о том, что я – не они, не сгусток огненного газа? Я согласна была стать жуком, травинкой, чем угодно, лишь бы вырваться из Никогда.

– Проголосуйте, – настаивал Хранитель. – Просто проголосуйте.

Мы голосовали. Разумеется, мы голосовали.

Впервые мы проголосовали вскоре после нашего очередного пробуждения в Никогда. В Сумеречной зоне. В чистилище. В этой адской смеси «Обреченных», «Судьбы», «Последнего героя», «Классного часа» и «Чумовой пятницы». Как только мы его не обзывали – словно оскорбления в адрес неведомых сил, удерживавших нас здесь, могли заставить их передумать.

Собравшись в библиотеке Уинкрофта, точно колоритные персонажи на последних страницах детектива, ожидающие, когда гениальный сыщик разоблачит убийцу, мы уселись в кресла. Уитли разлила по бокалам шампанское. Каждый из нас написал имя того, кого хотел оставить в живых, на клочке бумаги, после чего Хранитель собрал их.

– Консенсуса нет, – объявил он.

Прежде чем приступить к голосованию во второй раз, каждый из нас произнес небольшую речь в попытке убедить остальных, почему именно он, а не кто-то другой заслуживает жизни. Мы были адвокатами в зале суда, выступавшими перед коллегией обвинителей в кольцевой системе правосудия, которая с самого начала выглядела негодной. Были альтруистические выступления (Кэннон), сухие научные выкладки (Марта) и ребячески непосредственные выплески (Уитли). В Уитли неожиданно обнаружилась филантропическая жилка: она поклялась обеспечить все население Африки чистой питьевой водой. Когда настал черед Киплинга, он едва поднялся и тут же упал, в стельку пьяный.

– Вы должны проголосовать за меня, потому что не должны за меня голосовать, – заявил он. – Я ничтожная, никому не нужная скотина.

Последней была я.

Я смогла из себя выдавить лишь то, что я – обычная девушка, рожденная для обычной жизни, но они могут проголосовать за меня, потому что я намерена каждый день совершать добрые дела.

Произнося все это, я остро ощущала, что речь моя звучит так же лицемерно и жалко, как и все, что говорили они. Хуже того, никто из них меня не слушал. Да, их взгляды были устремлены на меня, но внимание их было погребено под тяжестью размышлений о собственной участи: они обдумывали все это жадно и дотошно, точно Горлум, рассматривающий Кольцо, и гадали, реально Никогда или нет.

Я не могла их винить, ведь я сама совершенно расклеилась. В эти одиннадцать целых и две десятых часа я почти каждый раз выла во весь голос, направляясь в Уэстерли, чтобы повидать родителей в «Седьмом небе». Обычно я тайком наблюдала за ними: разговоры приводили к тому, что в следующее пробуждение я начинала безудержно рыдать. Я пыталась объяснить им, что происходит:

– Я попала в автомобильную аварию, и я могу умереть, а это подвешенное состояние между жизнью и смертью называется «Проснись в Никогда», если верить словам одного полоумного старика, который привязался к нам и никак не хочет отвязаться.

Они всегда выслушивали меня. И все же я видела, что мои слова вызывают у них лишь подавленность, наводя на мысль о том, что гибель Джима сказалась на моей психике сильнее, чем они думали, и мне необходима круглосуточная психиатрическая помощь. Поэтому я стала ходить в кино, садясь, незаметно для родителей, в нескольких рядах позади них, пристраиваясь за обширной спиной толстяка в футболке с эмблемой Бруклинской службы возврата книг. Я всегда улыбалась ему, а сама думала: «Ты хоть сам понимаешь, какой ты счастливчик? У тебя есть завтра». Я жевала попкорн, смотрела «Его девушку Пятницу» и выскальзывала из зала до того, как зажигался свет.

Результат очередного голосования ничем не отличался от предыдущих.

– Консенсуса нет, – объявил Хранитель.

Каждый из нас голосовал за себя. И я не могла себе представить, что однажды настанет момент, когда все будет иначе. Только это и удерживало нас на плаву – шанс, пусть далекий, вырваться из замкнутого круга, вернуться обратно к жизни.

И все это время Хранитель наблюдал за нами.

Он никуда не делся, появляясь в самый неожиданный момент. Иногда он заходил в дом и заваривал себе чай. Иногда копался в саду, облачившись в непромокаемый черный плащ с капюшоном. Несмотря на дождь – который во время некоторых пробуждений, как ни удивительно, превращался в снег; температура падала, и вихри крохотных снежинок, подобно миниатюрным торнадо, вились в воздухе, – Хранитель подстригал виноград, розы, плющ и кусты бирючины, а также глицинию и сирень, оплетавшие деревянные шпалеры. Подметал вымощенные булыжником дорожки и рыхлил клумбы. Забравшись на зеленую приставную лестницу, прочищал забившиеся палой листвой водосточные желоба, протирал заляпанные стекла в фонарях и лампах. Убирал лишайники с крыльев горгулий, разинувших клювы в безмолвном крике. Бывало и так, что мы видели его издалека – безликий силуэт, спешащий по лужайке в сторону леса, будто он, выбрав кратчайший путь, спешил через Уинкрофт в неведомые места.

* * *

Не знаю, сколько мы пробыли в Никогда к тому моменту, когда между нами произошла первая ссора.

Время вело себя странно. Чем старательнее ты восстанавливал в памяти его ход или втискивал его в обычную сетку месяцев и недель, тем более изощренно оно шутило с тобой, оборачиваясь миражом, оптической иллюзией. При ближайшем рассмотрении часы здесь текли точно так же, как в нормальном мире. Но когда мы пытались сложить из них целостную картину, чтобы лучше понимать ход времени и выяснить, сколько мы здесь пробыли, они улетучивались и утрачивали четкость.

Четыре пробуждения ощущались так же, как четыреста.

Чем больше становилось пробуждений, тем больший ужас одолевал меня. Остальные тоже становились все более безучастными и отстраненными, будто им стало безразлично, вырвутся они отсюда или нет.

– Я голосую за Канье! – заорал Кэннон, поднимая свой бокал. – Канье должен жить.

– Консенсуса нет, – объявил Хранитель.

Уитли теперь пила весь день. Кэннон с Киплингом тоже. Потом все трое начали употреблять таблетки, которые БВО Берт держал в своей спальне, – сотни оранжевых пузырьков с амфетаминами и барбитуратами, уложенных в его аптечку, точно конфеты в кондитерской. Поэтому я не удивлялась, когда все трое пребывали в маниакальном возбуждении или же полной протрации. Киплинг выходил из дома и вел разговоры с дождем, почти раздетый, если не считать розового парика и зеленого шелкового халата с павлинами, принадлежавшего одной из подружек Берта.

Однажды, собирая всех на очередное голосование, я не смогла его найти. Обегав все места, я наконец нашла его в бассейне: он плавал на гигантском надувном лебеде под проливным дождем.

– Киплинг!

Я схватила сачок для листьев и, орудуя им как багром, подтянула лебедя к бортику.

Кип с видимым усилием приоткрыл глаза:

– А? Ты здесь, Бог? Это я, Джуди[9 - Отсылка к известному в США роману для подростков «Ты здесь, Бог? Это я, Маргарет» (1970), написанному Джуди Блум.].

– Киплинг, ты меня слышишь?

– Я хотел бы заказать обед в номер. Будьте добры, спагетти болоньезе.

Он свалился с лебедя и немедленно ушел под воду. Я скинула туфли и плащ и нырнула следом. Кип медленно погружался на дно, не делая ни малейшей попытки всплыть. Я принялась отчаянно выталкивать его на поверхность:

- Киплинг! Ты меня слышишь?

- Это обратный отсчет![10 - Строка из песни «The Final Countdown» шведской рок-группы «Europe».] - затянул он, глядя на меня глазами-щелочками. Я чувствовала себя одинокой медсестрой в дурдоме.

Марта оставалась в своем уме, но, по-видимому, решила самоустраниться, умыть руки и с началом каждого пробуждения, не говоря ни слова, выскользнула из дома и целый день где-то болталась. Пару раз я видела ее под вечер в роще, окаймлявшей дальние лужайки. Волоча за собой черную сумку, она разглядывала кроны деревьев в бинокль, точно заправский орнитолог или защитник окружающей среды, фиксирующий последствия кислотного дождя. Она рылась в своей сумке, страшно тяжелой на вид: по-моему, там лежал ее любимый роман, «Темный дом у поворота», с которым она не расставалась в Дарроу. Но вместо книги она вытаскивала тоненькую черную тетрадку и что-то записывала туда, прежде чем двинуться дальше. Один раз я бросилась за ней:

- Марта!

Она не остановилась, сделав вид, что не слышала.

- Марта! погоди! - крикнула я вновь.

Она остановилась и обернулась, судя по всему недовольная тем, что ей помешали.

- Я беспокоюсь за них, - сказала я.

- И что? - кивнув, спросила она.

«И что?» Я могла лишь молча смотреть на нее, чувствуя, как по лицу и плечам стекает дождевая вода. Неужели она не видит, что происходит? Неужели ей все равно?

– Они сходят с ума. Они перестали воспринимать происходящее всерьез. Я не знаю, что делать.

Марта пожала плечами:

– Это часть принятия.

– О чем ты?

– Когда преступника приговаривают к пожизненному заключению, вероятность психического срыва в первый год составляет девяносто четыре процента. – Она снова пожала плечами. – Просто оставь их в покое.

– Ну уж нет. Мы должны быть заодно.

К моему изумлению, она еще раз неловко пожала плечами и двинулась прочь.

– Куда ты? – крикнула я; Марта не ответила. – Мне нужна твоя помощь! Пожалуйста! Неужели ты не хочешь выбраться отсюда?

Она на ходу вскинула руку, как родитель, пытающийся мягко урезонить впавшего в истерику ребенка, – и пошла дальше.

* * *

Мы были горсткой уцелевших после кораблекрушения и плыли по бурному морю. А теперь они вынуждали меня выпустить их руки, чтобы они могли скрыться в волнах и пойти ко дну.

Мне суждено было остаться здесь навсегда.

Здесь, в Никогда, где я уже не стану взрослой.

Никогда не обзаведусь семьей.

Никогда не влюблюсь.

Я была бессмертным вампиром, не получая от этого никаких плюшек. Ни завораживающей красоты, ни золотистых глаз и мерцающей кожи, ни способности бегать со скоростью триста миль в час и переворачивать машины.

Я была призраком, лишенным сверхъестественных способностей. Я не могла включать и выключать телевизор без всяких приспособлений или вращать головы фарфоровых кукол на триста шестьдесят градусов, доводя нормальных людей до нервного срыва. Я не могла вселиться в младенца, привести его в зомби-транс и заставить выйти в гостиную посреди ночи, чтобы его запечатлела какая-нибудь дрожащая камера.

Я была тикающими часами в мире, где не существовало времени.

Без времени все теряло смысл. Никогда прежде я не осознавала, насколько ход времени важен для поддержания интереса к чему бы то ни было. Он задавал конечный срок, запал, темп, азарт. Без него все стояло на месте, дожидаясь непонятно чего.

В самые черные моменты я думала о Джиме.

Я приехала в Уинкрофт, желая выяснить, что с ним случилось. Теперь даже этот вопрос, который весь прошлый год неотступно крутился у меня в мозгу, побледнел и скукожился перед лицом Никогда, точно гусеница на асфальте под палящим солнцем.

* * *

В тот вечер, когда мы поссорились, произошло вот что. Я вернулась из кино и едва переступила порог, как услышала вопли, доносившиеся со второго этажа. Я бросилась вверх по лестнице. Судя по всему, они заперлись в ванной, примыкавшей к хозяйской спальне.

Я постучалась:

– У вас все в порядке?

В ответ слышались приглушенные смешки.

– Скоро уже голосование.

Снова смех.

– Эй?

Дверь распахнулась. На пороге стояла Уитли, в большом, не по размеру, красном вечернем платье со стразами. Ее жирно и небрежно подведенные глаза налились кровью. На бортике ванны, точно обессиленная пантера, висел Киплинг. Кэннон сидел на туалетном столике с банданой, повязанной лихо, на пиратский манер. Судя по раскрасневшимся лицам и куче пустых бутылок из-под «Дом Периньона», беспорядочно разбросанных по кафельному полу, они были пьяны в дым.

– Приветствуем тебя, Сестра Би, – церемонно обратилась ко мне Уитли. – Мы не намерены в нем участвовать. Никогда.

– Что?

– Мы не будем голосовать. Мы останемся в Уинкрофте до скончания веков. Ясно? – При виде выражения на моем лице она закатила глаза. – Господи, Би, хватит уже нянчиться со всеми вокруг. Можешь изображать из себя самоотверженную святошу хоть до посинения – все равно тебя не выберут. И вообще, скорее черви сожрут мой труп, чем я дам какой-то паршивой матери Терезе шанс остаться в живых. Это идет вразрез с моей жизненной философией. Чтобы жить, нужно хорошенько вывалиться в грязь. Если ты ни разу не падал в грязь, то, считай, ничего в жизни не сделал.

– Я не мать Тереза и не святоша. И вообще, не такая уж я и хорошая.

Она взмахнула рукой, точно отгоняла муху, развернулась и стала лениво рассматривать свое отражение в зеркале.

– Суть дела не в голосовании, – продолжила я, – а в том, чтобы держаться вместе. Мы можем навсегда потерять друг друга. Помнишь, что Джим говорил о

дружбе? О нас? Если у нас что-то есть, говорил он, то это верность друг другу, которая способна противостоять любым испытаниям.

Уитли закусила нижнюю губу, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– А ты до сих пор его любишь. Вот это да! Ты ни на кого больше не смотрела. И до сих пор не смотришь, хотя он давным-давно мертв. Кстати, ты никогда не задавалась вопросом, почему он выбрал именно тебя? Из всех девчонок в школе?

Она пальцем стерла с подбородка размазавшуюся помаду. Я собралась с духом, прекрасно зная, что за этим последует. Ее истерики всегда начинались именно так: она делала эффектное заявление, точно матерый прокурор, всецело завладевший вниманием присяжных, чтобы с помощью идеально продуманного набора слов разделать обвиняемого под орех.

– Он выбрал тебя потому, что бриллиант в невзрачной оправе всегда выглядит ярче.

Я ничего не ответила, изо всех сил напоминая себе: не стоит принимать близко к сердцу все, что Уитли несет в запале. И все же мое лицо запылало, а в голове нервно зазвучал тоненький голосок: «Это неправда».

– Я не согласен, – нахмурился Кэннон. – Проблема всегда была в том, что это ты страдала по Джиму.

– Он прав, – еле ворочая языком, подал голос Киплинг. – Это всем бросалось в глаза, малышка. Как бородавка на большом пальце ноги спасателя в общественном бассейне.

– Ой, да ладно! – Уитли метнула на него яростный взгляд. – Ты сам был без ума от него! Думаешь, мы не замечали, как ты пожираешь его глазами? Сладенько сюсюкал со своим южным акцентом, будто считал, что он соблазнится жалкой местечковой пародией на Трумена Капоте. А ты! – набросилась она на Кэннона. – Ты радовался, когда он погиб!

– Я был сам не свой, – бросил тот отрывисто.

– Ага, сам не свой от злорадства.

Кэннон пробуравил ее взглядом.

– И ты еще утверждаешь, что терпеть не можешь Линду? – сказал он. – Зря. Ты же точная ее копия. Не хватает только перекроенного лица, заплывших жиром лодыжек и армии сбежавших от тебя со скоростью света мужиков. Но не беспокойся: все это придет в ближайшем будущем.

– Нет у нее никакого будущего, – вставил полусонный Киплинг, подняв палец. – Больше нет.

Уитли с разинутым ртом уставилась на Кэннона. Плечи ее дрожали.

– Кэннон не это хотел сказать, – прошептала я, коснувшись ее локтя.

Она сбросила мою ладонь и схватила с пола бутылку. К счастью, Кэннон успел увернуться, и бутылка угодила в зеркало рядом с его головой.

– Вы все просто звери! Выметайтесь из моего дома!

Уитли выскочила из ванной, отпихнув меня в сторону, а через несколько секунд показалась в конце коридора с дробовиком в руках и прицелилась мне в голову. Я кубарем скатилась с лестницы. Грянул выстрел, пуля ударила в потолок, люстра закачалась, и на пол полетели куски штукатурки и лепнины.

– Выметайтесь! Термиты! Пиявки! Крысы!

Прозвучало еще несколько выстрелов, но я была уже у входной двери. Я рванула ее на себя и едва не сбила с ног Марту, в насквозь мокрым зеленом пончо.

– Беатрис? Что случилось?

– Червяки! Опарыши! Мерзкие рыбы со складными зубами, которые живут на дне! Валите отсюда! Вы все!

Я не стала ничего ей отвечать. Добежав до моего грузовичка, я рванула с места и понеслась, не разбирая дороги, прямо по клумбам, лужам и сломанным сучьям, пока не выехала на подъездную дорожку, где слегка перевела дух.

* * *

Мне надо было побыть в одиночестве и проветрить голову.

Все, что они наговорили, твердила я себе, на самом деле говорили не они. Это было Никогда. Бесконечное сидение в этом месте, день за днем, пробуждало самые темные и гадкие мысли и чувства, словно ты требовал от мироздания, Бога или кого-то еще признать, что они были не правы.

«Бриллиант в невзрачной оправе всегда выглядит ярче»... «Это ты страдала по Джиму»... «Ты радовался, когда он погиб»...

Я не хотела об этом думать. Я поехала напрямик в «Капитанскую рубку», отперла дверь запасным ключом, который папа держал за настенным уличным термометром, и вошла внутрь. Сделаю себе горячий бутерброд, закушу его «шурум-бурумом» и завалюсь спать. А о том, как быть дальше, подумаю завтра, или вчера, или сегодня, черт его разберет.

Но едва я переступила порог ресторана, проскользнув через тигровые полосы теней, и оказалась внутри, как мне стало ясно: что-то случилось.

Стулья, обычно перевернутые и поставленные на столешницы, были разбросаны по полу. Стекло витрины с мороженым треснуло. Сквозь привычный запах тостов и крема от загара пробивался какой-то мерзкий душок. Я заглянула в кухню, решив, что Сонный Сэм, наверное, забыл вынести мусор, и под подошвами кед хрустнули осколки стекла. Я наклонилась и увидела, что наступила на портрет прапрадедушки Берна. Он покинул свое место над дверью и почему-то лежал у плиты, лицом вниз. Рамка была сломана.

В наше кафе вломилась вора. Это была моя первая мысль.

И тут я ощутила надвигающееся пробуждение, самый черный из черных снов начал накрывать меня, точно крышка гроба, и я поняла: происходит что-то

другое, что-то странное.

Раздался негромкий стук. Я вскинула глаза и завизжала. Из окна над раковиной, выходящего в переулок, на меня кто-то смотрел.

Хранитель.

Его взгляд не был ни враждебным, ни дружелюбным – просто строгим. Подбородок скрывался в тени. До меня вдруг дошло, что он обрезает плющ и побеги жимолости, густым ковром увивавшей стену. У мамы до них никогда не доходили руки.

Когда я выскочила на улицу, он уже удалялся по переулку.

– Эй! – закричала я ему вслед. – Что вам нужно?

Он и не подумал оглянуться, шлепая по лужам. Из сумки, висящей на плече, торчали секаторы. Вот он почти скрылся до угла.

– Оставьте меня в покое!

И тут до меня дошло, кто он такой.

Хранитель был напоминанием.

Голосование. Голосование. Голосование.

Глава 7

После ссоры они окончательно отдалились друг от друга. Едва открыв глаза с началом каждого пробуждения, Кип, Марта, Кэннон и Уитли разлетались в разные стороны, точно пушинки с одуванчика. Они молча уходили из дому, иной раз даже не взглянув друг на друга.

Я не препятствовала им. У меня все равно не было выбора.

Была ли это депрессия? Возможно. Злость на свою участь? И это тоже. А может, им просто хотелось посмотреть, что будет, если, не обращая внимания на предупреждающие знаки и ограждения с грозной надписью «Не заходить», перебраться через колючую проволоку вокруг смотровой площадки на крыше небоскреба и сигануть вниз.

Что бы с нами ни происходило, это не имело никакого значения. Опасности не существовало. Единственным плюсом нашего положения было то, что мы могли оставаться вечно молодыми, как в песне группы «Alphaville»[11 - Имеется в виду песня «Forever Young» («Вечно молодой»)]. Мы могли жить, умереть и снова начать жить без всяких последствий для себя.

Киплинг начал ездить автостопом.

Оказавшись на заднем сиденье «ягуара», он тут же уходил, направляясь к выезду с участка. После того как он проделал это бесчисленное количество раз, с загадочным выражением на лице, смесью решимости и надежды – будто в самом деле что-то предвкушал, – я начала за ним следить. Он выходил на большую дорогу, останавливался, немного не доходя до каменного моста, и поднимал руку с выставленным вверх большим пальцем.

Подбирала его всегда шестая по счету машина. Коричневый «пontiак» с помятым крылом.

Постоянно наблюдая за тем, как Киплинг скрывается в «пontiаке», я просто обязана была выяснить, что в нем такого завлекательного. Почему Киплинг всегда, не желая пропустить ни единого раза, садится в эту машину? Однажды я догнала его.

– Куда ты собрался? – спросила я.

Кип обернулся с испугом, который сразу же сменился раздражением:

– Что?!

- Кто подвозит тебя на «понтиаке»?

Он двинулся дальше.

- Это не важно.

- Куда ты едешь?

- Отстань от меня, Би.

- Скажи мне.

- Нет.

- Почему?

- Не твое собачье дело.

- Тогда я еду с тобой.

- Нет.

Он был в ярости. На мгновение мне даже показалось, что он собирается меня ударить или привязать к дереву, а потом спокойно уехать.

- Расскажи мне, и я уйду, - пообещала я.

Он нахмурился и вытер мокрое от дождя лицо.

- Ее зовут Ширли.

- И?..

- Я езжу вместе с ней на химиотерапию в Провиденс. Потом мы едем в ее обшарпанную квартирку над магазином и смотрим «Ночь живых мертвецов». Я

готовлю джамбалайо с креветками и делаю салат с тунцом для ее кошки по имени Канарейка. Она думает, что я сбежал из дома в Миссисипи. Иногда меня зовут Джеймс. Иногда – Хесус. Она раздевается передо мной и просит ее потрогать. Она верующая. Считает, что я – кто-то вроде мессии с другой планеты, ведь я почти все про нее знаю. Мы разговариваем всю ночь напролет. А теперь, будь так добра, поищи волнующих приключений для себя, чтобы забыться. Эта история – для меня одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Синдром Туретта – генетическое заболевание нервной системы, одним из симптомов которого является неудержимая склонность к употреблению нецензурных слов и социально неприемлемых высказываний.

2

Клэм-чаудер – густой суп-пюре из моллюсков.

3

Имеется в виду Сан-Квентин, старейшая тюрьма штата Калифорния.

4

Давайте веселиться (фр.). Выражение, популярное среди франкоговорящего населения штата Луизиана.

5

«Московский мул» – коктейль из водки, имбирного пива и лайма.

6

Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – американский ученый, изобретатель и футуролог.

7

Добрый вечер. Между жизнью и смертью время застыло... (ит.)

8

Андерсон Купер (р. 1967) – американский журналист, писатель и телеведущий.

9

Отсылка к известному в США роману для подростков «Ты здесь, Бог? Это я, Маргарет» (1970), написанному Джуди Блум.

10

Строка из песни «The Final Countdown» шведской рок-группы «Europe».

11

Имеется в виду песня «Forever Young» («Вечно молодой»).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/marisha-pessl/prosnis-v-nikogda>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)